

НИИЧАВО

Журнал изучения и критики научной фантастики

Номер Два

Весна 2024

Слово редактора

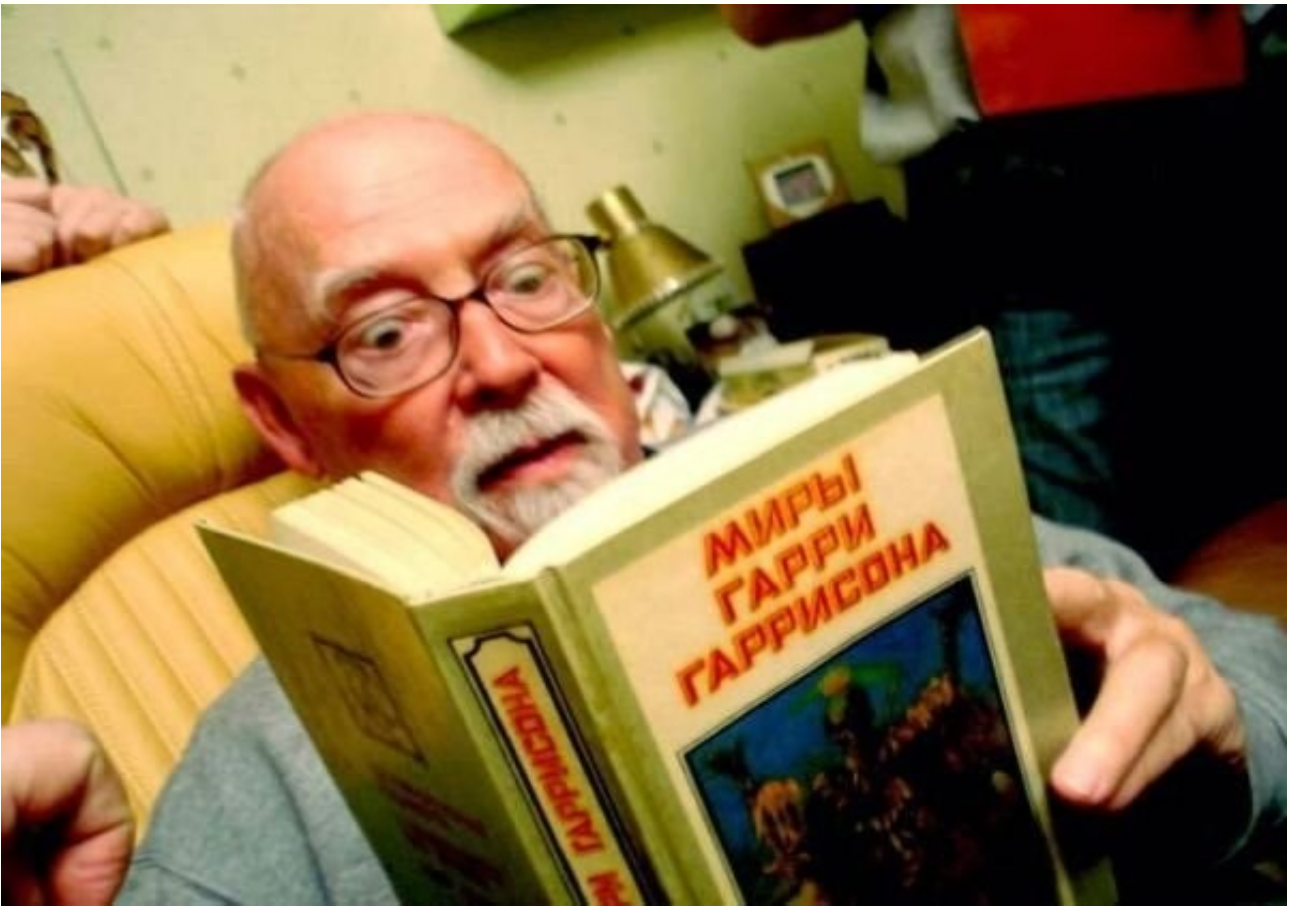
Доброго времени суток, уважаемые читатели! В первый день весны Вашему вниманию предлагается второй номер электронного журнала (киберзина) «НИИЧАВО», который призван стать проводником в мир изучения и критики научной фантастики (НФ), фэнтези и исследования истории отечественного и зарубежного фэндома.

Весна это время пробуждения природы и жизни, поэтому мы решили напомнить всем поклонникам фантастики, что 12 марта исполнится 99 лет со дня рождения писателя-фантаста Гарри Гаррисона, поэтому в номере Два Вас ждёт небольшое автобиографическое эссе Гаррисона «Жизнь писателя»; а также тёплые, как весенние солнышко, воспоминания американской писательницы Ли Брэккетт. И горячие иллюстрации эротической фантастики от итальянского художника Паоло Элеутери Серпиери, а также статья исследователя фантастики Алека Невалы-Ли «Путь к «Основанию» о вдохновение Азимова иллюстрацией Гилберта; обзор фантастиковедческих работ, появившихся в по-

следние месяцы; традиционная рубрика «Из фантастики в реальность», в которой мы вспоминаем романы Артура Ч. Кларка, и юмористический рассказ «Обыватель» в честь «Дня Дурака». Приятного чтения!

И как всегда, редакция журнала ждёт Ваши отзывы и/или предложения по адресу: niichawo@internet.ru .

С уважением, Ваш, Александр Привалов

Гарри Гаррисон. Жизнь писателя

Недавно я читал автобиографию Брайана У. Олдисса под названием «Похороните моё сердце в большом книжном магазине» (в оригинале «Похороните моё сердце в W.H.Smith's» — крупнейшая сеть книжных магазинов Великобритании, а не специальное кладбище, и сердце, о котором идёт речь, является метафорическим — здесь и далее примечания переводчика). Книга течёт, как весёлый ручей по зелёным лугам и тёмным лесам, точно так же, как и жизнь писателя. Люди приходят в неё и покидают; бывают как хорошие, так и плохие времена. Но над физической жизнью автора витают бесплотные духи; книги и рассказы, вызванные к жизни этим очаровательным и талантливым писателем. Из жизни рождается искусство, — искусство становится жизнью.

Со стороны, жизнь писателя может показаться очень скучной. Встаёшь утром и отправляешься в кабинет. Затем с пером, карандашом, за пишущей машинкой или компьютером просиживаешь, как монах в келье многие часы. Единственное движение — мелькающие или размерено движущиеся пальцы.

Но это отнюдь не так. Всё дико захватывающе. Работа с текстом — это явь, опыт, знания, воображение, преображающиеся и превращающиеся в искус-

ство. Да, именно «искусство», — от этого слова нельзя уклониться. Любой может напечатать «с нежным вздохом...» на листе бумаги. Но это перестаёт быть упражнением в печатании, когда якобы мудрые издатели навязывают деньги тому, кто просто пишет слова. Должно быть, это искусство, возможно, тёмное, заставляет их делать нечто подобное.

Я написал «с нежным вздохом...» в Мексике в 1956 году. Затем, в 1957 и 1958 годах, в Лондоне, Италии и на Лонг-Айленде в Нью-Йорке, я добавил к этим трём словам ещё шестьдесят четыре тысячи девятисот девяносто шесть слов. И Джон В. Кэмпбелл купил их, заплатив за каждое по три цента, и опубликовал в нескольких частях в своём журнале «Astounding Science Fiction».

Через год «Vantam Books» купила эти же слова и опубликовала их в мягкой обложке под названием «Мир смерти». Мой первый роман. Их было ещё много впереди.

Причины, по которым я написал книгу, достаточно ясны: научная фантастика всегда была моим увлечением и вдохновением. Но что, чёрт возьми, я делал в Мексике? Не говоря уже о Лондоне и Анакапри [*Анакапри — город в Италии на острове Капри*].

И тем самым начинается сказ. Жизнь становится искусством, — искусство становится жизнью. Одно формирует другое всегда, крепко и неизменно.

Мы жили в Нью-Йорке, в квартире с кондиционером. Моя жена, Джоан, была успешной танцовщицей и дизайнером одежды, прежде чем посвятила большую часть времени семье, и нашим детям — сыну Тодду и дочери Мойре. Я был успешным коммерческим художником, арт-директором, редактором, писателем.

Но я писал ради денег, а не ради удовольствия. И это то же самое, как работать тюремным надзирателем или лифтёром. Ты трудишься, чтобы жить, а не потому, что тебе это нравится. Только художественная литература, особенно научная фантастика, приносила мне какое-то удовольствие и удовлетворение.

Но в те дни на пенни и два цента за слово нельзя было прожить, сочиняя научную фантастику. Вам приходилось писать и продавать, по крайней мере, два рассказа в неделю, чтобы заработать столько же, сколько продавец обуви. Это невозможно! Что же касается написания романа, то о том, чтобы вообще не зарабатывать денег в течение одного-двух лет просто не могло быть и речи. Многие писатели создавали романы в свободное время, находясь на постоянной работе. Я не мог этого сделать. Это не соответствовало ни моему темпераменту, ни моей работе. Мы с Джоан долго обсуждали эту проблему и пришли к тому, что казалось очевидным решением.

Я бы бросил работу, мы бы сдали квартиру, продали бы кондиционер, оставили бы все наши вещи на хранение и поехали в Мексику. Тодд, в возрасте одного года, похоже, не возражал против этой идеи.

Его бабушка и дедушка считали иначе. Как и все наши друзья. Такие слова, как «безумие» и «это невозможно», бормотали и иногда выкрикивали вслух. Возможно, они были правы.

Мы всё равно это сделали. Разместили на заднем сиденье нашего Форда Англия 10 [*Ford Anglia — малолитражный легковой автомобиль британского филиала фирмы «Ford», выпускавшийся несколько поколений с 1939 по 1967 год*] детский манеж, привязали кроватку к крыше, наполнили багажник вещами и отправились на юг.

Самое смешное, что это сработало. У нас было чуть больше 200 долларов, но эта царственная сумма прошла долгий путь в Мексике в 50-х гг. Мы ехали всё дальше на юг, пока асфальтированная дорога не закончилась, затем повернули назад и остановились в первом городе. Куаутла, Морелос. Мы арендовали там дом, научились говорить по-испански, пили текилу по 75 центов за литр и нанимали горничную на полный рабочий день за 4,53 доллара в месяц. Я писал на крошечном застеклённом балкончике, откуда открывался вид на банановые деревья, растущие прямо за окном. Мои журнальные статьи хорошо продавались в Нью-Йорке. Доход от одной продажи, на который можно было купить хорошую еду и ночь в театре в «Apple», поддерживал нас в Мексике в течение месяца. Как только я скопил достаточную сумму от проданных статей и некоторых коротких научно-фантастических рассказов, я глубоко вздохнул и принялся за роман.

В Мексике тепло, красиво и уютно. Но светской жизни просто не существовало, да и в тропиках невозможно растить ребёнка. Итак, после года жизни там, мы, обогатённые опытом, загаром и чуть-чуть разбогатевшие, вернулись в Нью-Йорк.

Чтобы продолжить путь в Англию.

Множество раз многие люди, подняв брови, спрашивали меня, почему я сделал то или иное. Например, отправился в Мексику с младенцем. Или поехал в Данию на месяц и остался там на семь лет. Мой ответ, довольно часто, заключается в том, что тогда это казалось хорошей идеей. Люди с постоянной работой, ипотекой, детьми в школе и пенсией, которая уже не за горами, часто приходят в ярость от подобного ответа.

Но это честный, а не голословный или уклончивый ответ. Мы были преданы внештатной жизни. И наслаждались ею в других местах. Для писателя это рай. Изучать новые языки, жить в новых культурах, реагировать на новые реалии, идеи, переживания. Я очень счастлив, что Джоан разделяет мой восторг.

На обложке немецкого издания одного из моих романов есть немецкое выражение. Оно величает меня Велтенбуммлером (Weltenbummler). Неужели меня называют мировым бродягой? Нехорошо. Профессор Т.А. Шиппи, учёный-лингвист и фантаст, поправил меня. «Нет, Гаррисон, не бродягой», хотя кто-то может считать иначе. Это древний и хороший немецкий термин, не слишком отличающийся от нашего слова «ученик».

Или точнее «подмастерье», как подмастерье в типографском ремесле. Новичок, работающий в квалифицированной торговле, будет переходить с одного рабочего места на другое, приобретая навыки и опыт.

Я думаю, что немцы правы насчёт меня. Действительно «*Weltenbummler*». Всё новое, необычное, интересное, познавательное становится частью жизни писателя. Всё для творческой мельницы. Во многих случаях связь очевидна: я написал «Пленённая Вселенная», пожив в Мексике, увидев быт в изолированных деревнях, открыв для себя, как эти люди понимали мир. В романе «Далет-эффект» в качестве декораций используется Дания: люди, их отношение к жизни, формируют структуру произведения.

Это самые очевидные примеры. Но в моём творчестве есть и более тонкие нити, часто такие, о которых я не знаю, и порой на них указывают критики или друзья. Или враги? Я не хочу оскорбить Пеорию [*Пеория — город на севере США, является шестым по величине городом штата Иллинойс*], родину замечательного писателя Филиппа Хосе Фармера, но я чувствую, что в мире есть нечто большее, чем Пеория. Я жил долгое время, месяцы и годы, в общей сложности, в шести странах. Я побывал ещё, по крайней мере, в шестидесяти. Я чувствую себя обогащённым этим опытом. Что более важно — я чувствую, что моё творчество обогатилось.

Обстоятельства и проживание за пределами моей родной страны в течение примерно тридцати с лишним лет, безусловно, изменили меня. То, как я думаю, то, как пишу. Я теперь интернационалист, чувствующий, что ни одна страна не лучше другой. Хотя, конечно, есть и такие, которые хуже. Я говорю на эсперанто, как на родном, или, как однажды выразился Деймон Найт: «Гарри говорит на самом ужасном английском и прекрасном эсперанто, который я когда-либо слышал».

Я путешествовал с этим международным языком и завёл друзей по всему земному шару.

Фрагменты из жизни путешественника: в Москве много лет назад читатель подарил мне одну из моих книг на русском языке. Не официальное издание, а самиздат. То есть набранную от руки и распространяемую в частном порядке. Чести достаточно, а честь, это почти всё, что автор может получить из России в обозримом будущем. Поскольку Советский Союз не подписал важного международного соглашения об авторских правах, то кража иностранных книг и их публикация не являются противозаконными. Недавно я обнаружил, что являюсь самым пиратским автором НФ в России. А значит, самым популярным иностранным автором. Подъем для эго; тяжёлый вздох для банковского счёта.

Ещё фрагмент: Осака, Япония. Я был первым иностранным писателем-фантастом, который стал почётным гостем на японском национальном съезде Двадцатом ежегодном конвенте (возможно, потому, что я сам оплатил себе дорогу туда?). Много подписывал книг, подписывал на спине пиджака одного из поклонников, который, когда подумал, что я не смотрю, прижал его к сердцу и

благодарно поднял глаза к небу. Вот вам и непостижимый Восток; вдумчивый взгляд на то, как читатели НФ ценят эту форму художественной литературы.

Рио-де-Жанейро: встреча с миллионером, фанатом НФ, который никогда не думал, что встретит автора некоторых из его любимых книг. Подписываю экземпляры книг в мягких обложках, переплетённых в кожу.

Подписание копии финского перевода моей книги в Хельсинки. И вдруг я понимаю, что никогда не подписывал контракт на издание этой книги.

То же самое происходит в Германии, уродливый перевод «Мира Смерти», переименованный по какой-то непонятной тевтонской причине в «Planet aus die falsch Zauberer», или «Планета фальшивых волшебников».

Галльский фрагмент: Жанна и я обедаем в Париже с Жаком Садулем и важными французскими писателями-фантастами. Жак, любитель фотоаппаратов, щёлкает, как всегда. Через месяц он прислал мне только что изданную французскую энциклопедию научной фантастики, которая уже много лет находилась в производстве. С нашей фотографией в ней — наполненной едой и вином. Книга была уже напечатана, но не переплетена, когда мы обедали. Он позаботился о том, чтобы наша встреча была увековечена в разделе глянцевого фотографий, который был уже переплетён.

Американский фрагмент: работа над сценарием в Голливуде, ужин в итальянском ресторане в одиночестве и чтение книги, составляющей мне компанию. Говорливый официант: «Вы любите читать, сэр?». Когда меня спросили, писатель ли я, очевидно, это единственные люди, которые умеют читать в Голливуде, я неохотно согласился. С горящими глазами он спросил, могу ли я раскрыть своё имя. Неохотное откровение. Но какой был ответ! «Только не Гарри Гаррисон — всемирно известный писатель-фантаст!».

Момент чистого блаженства для автора. Только слегка смягчённый откровением, что он был истинным поклонником НФ, посещал съезды и т.д.

Большинство авторов действительно неохотно рассказывают о своём занятии незнакомым людям. Не от застенчивости — никогда! — но из-за печального опыта. (Когда меня спрашивают, я обычно говорю, что «я занимаюсь издательским делом», что является правдой). Поклонники и читатели научной фантастики не задают вопросов, но все обыватели постоянно спрашивают. Есть два вопроса, которые всегда задаются. Я имею в виду:

1. Откуда вы черпаете идеи?
2. Под каким именем публикуетесь?

Второй вопрос — это окольный способ сказать: «я никогда о вас не слышал».

В приступе раздражения я однажды ответил: «Марк Твен».

Мой собеседник мудро кивнул и сказал, что да, он думает, что слышал обо мне.

Это воспоминания, которыми я дорожу. Не только из-за его боо — фанатский термин НФ, сокращение от «завышенной самооценки», что, конечно, при-

ятно. Но ещё больше за то, что я пишу не в башне из слоновой кости, что я пишу для интеллигентного читателя, который ценит мою работу, получает от неё удовлетворение — и не стыдится сказать мне об этом.

Да, я работаю за деньги, потому что я писатель, который любит поесть, не говоря уже о выпивке, и которому нравится заботиться о своей семье. Но как только ты пробиваешься мимо денег, ты должен смотреть на удовлетворение читателя. Фантастам невероятно везёт на своих читателях. Они организуют съезды и дают обратную связь и моральную помощь, когда это необходимо. Я не завидую Барбаре Картленд [*Барбара Картленд (09.07.1901 — 21.05.2000) — английская писательница, одна из наиболее плодовитых авторов XX века. Стала знаменитой благодаря своим многочисленным любовным романам*]. Она может писать книгу каждые четыре часа и получать столько же денег, как и покойный мистер Максвелл. Но у неё нет преданных поклонников, как у меня есть фанаты НФ.

Истории в этой книге были написаны на протяжении многих лет [*Статья «Жизнь писателя» была опубликована в сборнике рассказов «Galactic Dreams»*]. Они хорошо переиздавались — и стали даже лучше, когда я исправил все ошибки, которым печатники позволили пробраться в типографские рукописи. Я допускаю некоторую степень полировки: неухоженная фраза здесь, неумелое предложение там. Но ничего особенного: в первый раз они были написаны в меру моих способностей.

Мне нравится писать. Я буду продолжать делать это до тех пор, пока мои трепещущие пальцы могут шарить по клавиатуре.

Мне также нравятся награды, которые приходят с карьерой писателя. Несколько недель назад я был в Лондоне, в филиале книготорговцев W.H.Smith's.

Посмотрев на полки, я обнаружил, что был удостоен одной из самых значительных премий в области издательского дела — и никто мне об этом не сказал.

Моё имя вывешено на полке в разделе научной фантастики.

Это равнозначно тому, как если бы ваше имя было написано на звезде на тротуаре Голливудского бульвара. На полках НФ есть только десять имён. А это значит, что достаточно людей любили мои книги и покупали их, чтобы поместить меня в первую десятку.

Приз, который нельзя купить, но за который следует бороться. Его даёшь ты, любезный читатель. Большое спасибо.

ГАРРИ ГАРРИСОН
ДУБЛИН, ИРЛАНДИЯ

Представленное выше эссе было впервые опубликовано в 1994 году в сборнике рассказов «Galactic Dreams».

Ли Брэккетт: интервью

Воспоминания Ли Брэккетт, собранные на основе её бесед с Полом Уолкером (Paul Walker) и опубликованные в фэнзине Luna Monthly #61, 1976 г. Перевод – Фёдор Фёдоров.

Какой же Эдмонд Гамильтон на самом деле?

Безусловно, блестящий человек с чрезвычайно широким кругом интересов. Страшно эрудированный библиофил; он может рассказать вам о каждом издании любой книги любой значимости, какой бы малоизвестной она ни была, вышедшей с тех пор, как Гутенберг затеял всё это дело, причём по памяти. У него железная память. Ничего из прочитанного никогда не теряется, а он прочитал почти всё. У него независимый ум, он формирует собственное мнение, на него не производят впечатления господствующие взгляды.

Насколько мне известно, он никогда не терял друзей.

Он очень добросовестно относится к своей работе. Я видела, как он выбрасывал результат многодневного каторжного труда, потому что считал

его недостаточно хорошим. Он написал много рассказов, возможно, больше, чем большинство писателей, на заказ, по мотивам изображения для обложки или для каких-то нужд – такие задания иногда называют халтурой, но я никогда не видела, чтобы он «халтурил», т.е. писал рассказ цинично, небрежно, не угождая себе и не стараясь угодить читателю. Он выкладывается на все сто, а это, на мой взгляд, означает настоящий профессионализм: умение сделать рассказ на заказ и при этом сделать его хорошо.

Он так и не научился правильно завязывать шнуры.

В одежде он не изобретателен (коричневые костюмы, коричневые брюки, коричневый спортивный пиджак, бежевые рубашки, белые для особых случаев, один чёрный костюм для банкетов), но при этом крайне привередлив. Нарядить его куда-то – это хуже, чем снарядить семнадцатилетнюю девушку на её первый выпускной бал.

Он – существо привычки, как кошка. Он расставил мебель, и её ни разу не передвигали. Он не любит убираться в доме, не возражает против разумного количества пыли, но настаивает на аккуратности. Никаких пиджаков, брошенных на стулья, и т.д.

Он любит деревню. Ему не нравятся большие города. Он предпочитает встречаться с несколькими друзьями одновременно, а не по много раз с каждым по отдельности.

Когда мы поженились, он обещал мне, что, хотя мне и придётся тянуть плуг, он никогда не будет ездить на нём. Он никогда этого не делал. Но в саду он не работает, разве что время от времени запускает культиватор, если я его вовремя не поймаю; иногда он не замечает, где кончаются сорняки и начинаются молодые бобы и картофель. Ему нравится косить, и он тратит на это часы. Плотник из него неважный, и в работе такого рода он скорее нетерпелив, чем методичен.

Ему нравится путешествовать, но это должно быть сделано с определённой целью, чтобы увидеть кого-то или какое-то место, представляющее особый интерес. В обычных коротких поездках таким местом неизбежно оказывается книжный магазин.

Не любит есть вне дома. Без комментариев.

Он обладает большим обаянием и прекрасным чувством юмора. Жизнь с ним не была скучной.

О двух писателях под одной крышей... Как говорит Эд, ему всегда нужно знать, какой будет последняя строчка рассказа. Он прирождённый гений конструирования. Я же, напротив, всегда работала прямо противоположным образом. Я была большим любителем дебютов, никогда не знала, куда иду, пока не доходила до места, а если пыталась думать наперёд и конспектировать, то просто убивала сюжет. Конечно, у меня накопилось довольно много полурассказов, в которых я сама себя загоняла в угол и не находила выхода. Эта разница в подходах привела к некоторым интересным результатам в нашей первой попытке сотрудничества.

Сразу после свадьбы я получила заказ на роман в журнале *Startling Stories*. У меня возникла идея начала, я с головой окунулась в работу, написала три-четыре главы и отдала их Эду на прочтение. «Прекрасно, – сказал он, – а куда ты пойдёшь дальше?». Я не имела ни малейшего пред-

ставления и сказала ему об этом. «Это, – сказал он, – самый проклятый способ написать историю, о котором я когда-либо слышал». «Ну, – сказала я, – именно так я их и пишу». Ещё две главы, и я застряла. Наконец я проглотила гордость и спросила, что он думает. Он прочитал то, что я написала, и сказал: «Вот где ты ошиблась, здесь, во второй главе. На корабле должен быть дхувиан» (Это был «Меч Рианона», возможно, это была третья глава.) В любом случае, это означало выбросить много тяжёлой работы и начать всё сначала, и мне это не понравилось, но он был прав.

Мы выяснили, что не можем сотрудничать в общепринятом режиме,

Хэл Шапиро Эдмонд Гамильтон и Ли Брэккетт

хотя на протяжении многих лет писали друг для друга. Но работая с ним, читая рассказы друг друга и обмениваясь идеями, я многое узнала о том, как строить сюжет. Отчасти, конечно, толчком послужила простая необходимость. Чтобы прокормиться, нужно было выдать определённый объём работы, а учиться надо было на практике! Сейчас мне не составляет труда набросать план, если это необходимо, хотя обычно я делаю это в голове.

Что касается других аспектов домашней жизни, то одно было понятно с самого начала. Работа – на первом месте. Домашние дела, готовка и прочее – на втором месте. Если бы он потребовал безупречной домработницы, мы бы оба оказались в проигрыше. Нам нравится порядок в доме, но

мы не перфекционисты. Требования печатной машинки для нас обоим по-прежнему первостепенны. Ещё одна необходимость – отдельные рабочие кабинеты. Очень важно быть одному. Мы также знаем, что бывает время, когда писатель должен отдохнуть от литературы, чтобы дать колодцу снова наполниться, и поэтому мы никогда не подгоняем друг друга.

Брэкетты поселились в Новой Англии в 1630 г. и никогда её не покидали. Мой отец родился в Портсмуте, штат Нью-Хэмпшир. Он и его родители переехали в Пасадену, штат Калифорния, примерно в 1890 году.

Дугласы приехали в округ Ольстер в Нью-Йорке около 1725 г. и на протяжении нескольких поколений двигались на запад, оказавшись в конечном итоге в Миссури, а именно в Сент-Луисе, где родилась моя мать. Она и её родители также прибыли в Пасадену около 1890 года.

Оба деда моей матери были миллионерами. Ко времени моего появления на свет всё это кануло в Лету, осталось лишь несколько реликвий в виде предметов мебели, слишком массивных для обычного дома (например, дедушкины часы высотой 14 футов, которые требовали специальных креплений и едва помещались на лестничной площадке маленького пляжного домика моего деда, далеко не похожего на его пасаденский особняк), и некоторые безделушки. Мой дед, Арчибальд Дуглас, был прекраснейшим и замечательнейшим человеком, но его голова была не приспособлена для бизнеса. Хуже всего то, что он доверял людям, а калифорнийские стервятники – уникально талантливая и деловая порода. Его наследство недолго оставалось с ним.

В роду Дугласов к импортированной шотландской крови добавилась кровь коренных американцев (интересно отметить, что шотландцы гораздо лучше ладили с индейцами, чем англичане) – один ирокез в Нью-Йорке, другой сиу дальше на западе. Из двух моих двоюродных братьев Дугласов (есть ещё третий, но он живёт в Техасе, и я его никогда не видела) один – песочно-каштановый, голубоглазый и круглолицый, как я. Другой – смуглый и с орлиным профилем.

Мой отец умер во время эпидемии гриппа 18-го года, не дожив трёх

недель до моего трёхлетия (я родилась 7 декабря 1915 года в Лос-Анджелесе). Я ничего не помню о нём. Люди, знавшие его, говорят, что он был прекрасным молодым человеком. Судя по его фотографиям, а также по рассказам моей матери и других людей, я очень похожа на него чертами лица и телосложением. Моя мать была хрупкой, милой, маленькой дрезденской куколкой, на которую я не похожа. Мой отец обладал значительным писательским талантом. Я нашла пачку его рукописей через много лет после того, как сама стала писателем... Это было почти сверхъестественно – настолько схожи были наши мысли. Когда он умер, ему было всего 30 лет, и он не успел реализовать свои амбиции, поскольку у него были жена и ребёнок. Он был профессиональный бухгалтер. Я не унаследовала его умение считать.

Дедушка Дуглас взял нас с мамой к себе, и с тех пор он был для нас родителем. В те годы мы искренне недолюбливали друг друга: он – слишком мрачный и замкнутый, я – слишком дерзкая и непокорная. Я была ужасным ребёнком, сильно избалованным бабушкой и дедушкой Брэкетт, и, когда мне перечили, бросалась на людей с кулаками. Бабушка Дуглас выбила это из меня плоской стороной щётки для волос из слоновой кости, и с тех пор я стала лучше. Вот вам и детская психология! В более поздние годы, когда мы оба смягчились, я стала обожать своего дедушку. У нас были прекрасные отношения.

А вот с матерью, которая была собственницей, зависимой и властной, всё было не так. Пресловутая маргаритка с десятипенсовым гвоздём вместо стебля. Моя учёба в школе была нестабильной, но, тем не менее, неплохой, и я с ранних лет была всеядным читателем. В некоторых областях, наверное, можно сказать, что я сама себя воспитывала. В школе я была достаточно смыслёной, но склонным к задиристости и упрямству, когда мне надоедал какой-либо предмет. Несмотря на препятствия... детские болезни, которых я почти не помню, и переезды с места на место... мне удалось закончить среднюю школу, и пройти за три года четырёхлетнее обучение в старшей школе. Мне предложили стипендию для обучения в колледже, но по разным причинам я ею не воспользовалась.

Что касается религии... Теоретически, я воспитана в канонах епископальной церкви. Моя мать была очень набожной и чрезвычайно эклектичной. Она игнорировала те места Священного Писания, с которыми не соглашалась, и всегда злилась на священнослужителей за содержание их проповедей. К тому же ближайшая церковь находилась неудобно далеко... У нас не было машины (в те времена её почти ни у кого не было), и мы жили на отдалённом участке пляжа (которому сейчас грозит затеряться под тяжестью многоэтажных кондоминиумов). Поэтому я была избавлена от необходимости посещать церковь. В детстве религия всегда вызывала у меня дискомфорт (Бог наблюдает за тобой!), и я не могла совместить некоторые установки, заложенные в библейских историях, с прямо противоположными установками, выраженными в небиблейских историях, которые я читала. Дж.А. Хенти [полагаю, речь идёт о George Alfred Henty (1832 – 1902), британском писателе приключенческих и исторических романов – здесь и далее примечания переводчика] вряд ли одобрил бы Иакова.

Всё это очень озадачивало. Когда я стала старше и начала много читать по мифологии и сравнительной религии... – меня всегда завораживали экзотические истории и их неразрывно переплетённые религии... – я становилась ещё более озадаченной, и чем больше объясняли все мои вопросы, тем больше я начинала сомневаться в этих объяснениях. В конце концов я решила, что никогда не узнаю, что на самом деле лежит за пределами, пока не попаду туда, и надеялась, что выяснять это буду долго. А пока я приношу жертвы Неведомому Богу, и у меня есть некоторые личные представления, которые, как я уже сказала, когда-нибудь будут подвергнуты проверке. Но я совершенно ясно поняла, почему Адаму запретили есть плод с Древа Познания.

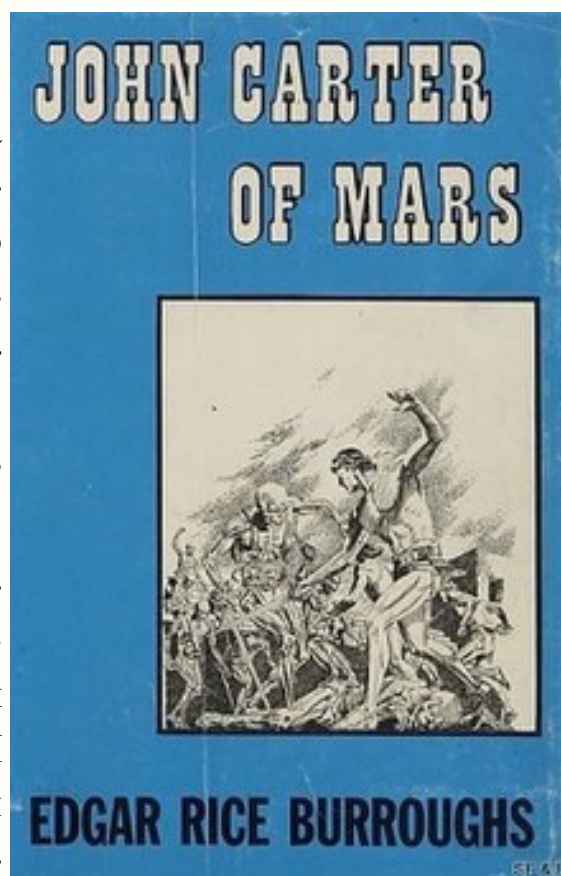
У меня было очень счастливое детство. Значительная часть, и, безусловно, самая лучшая, была проведена на этих пустынных пляжах. Я любила море и ветер, открытость и свободу. Это было замечательное место для взросления. Одни из самых счастливых часов я проводила в одиночестве, сидя на причале, в самом его конце, опустив босые ноги в Тихий океан, глядя на горизонт и размышляя о великом. Туда приходили и другие ребята

та, и я играла с ними, но мне никогда не было одиноко, когда я оставалась одна.

Другие периоды детства я проводила с двоюродной бабушкой Сарой и дядей Джорджем. У них были деньги. Они жили в отеле Fairmont в Сан-Франциско, иногда путешествовали. Тётя Сара была нездорова и часто оставалась одна из-за дядиных дел. Моя мама сопровождала её, и мне приходилось быть с ними. В раннем возрасте я осваивала этикет официальных обедов и приобретала совершенно бесполезное пристрастие к фуа-гра и трюфелям. Я увидела большую часть страны, Зону Канала (Панамского), и благодаря этому у меня засело в голове, что за пределами моего двора есть другие места и другие люди; мне в этом отношении очень повезло.

Дома, с дедушкой, мы жили экономно. Но я предпочитала пляж. Там я могла освободиться от взрослых. Дамская компания может стать тягостной, особенно когда собственные ноги и руки вырастают слишком большими и умелыми, а кожа не имеет той прозрачной бледности. Я просто никогда не добивалась успеха в этой лиге. Я предпочитала рыбалку.

Примерно на восьмом году жизни произошло знаковое событие, которое изменило всю мою жизнь. Кто-то подарил мне книгу Берроуза «Боги Марса». Я всегда отказывалась читать книги для девочек. Мне нравились истории, в которых происходили разные события: чем более дикие и экзотичные, тем лучше. Я знала всё об индейцах, пиратах, Фуззи-Вуззи [«Фуззи-Вуззи» – термин, используемый британскими солдатами для обо-

«Джон Картер с Марса», книга американского писателя Эдгара Райса Берроуза

значения воинов беджа, которые поддерживали Махди Судана в Махдистской войне. Этот термин относится к сложной причёске тиффа, которую предпочитает племя Хадендоа, подразделение народа беджа. Можно вспомнить ещё произведение Редьярда Киплинга «Фуззи-Вуззи»], джунглях Маугли и страшном нападении горцев. Но внезапно, одним молниеносным ударом, завеса разорвалась, и я увидела космос. Не могу передать, какое огромное воздействие оказала на моё воображение мысль о Марсе, другой планете, чужом мире. Она твёрдо поставила меня на путь писателя-фантаста. С тех пор я не могла насытиться фантастикой.

Кино тогда тоже сыграло очень важную роль в моей жизни. И всегда играло. Дуглас Фэрбенкс был моим кумиром, и именно благодаря ему я впервые начала писать. Мне очень хотелось узнать побольше о Зорро (или, может быть, о Доне Кью), а их не было, и я решила придумать историю сама. Я написала её карандашом на маленьких клочках бумаги. Она была не очень длинной.

Как ни странно, но когда я начала писать с твёрдым намерением сделать это своей карьерой, то начала не с научной фантастики. Мне было уже 13 лет, и я должна была пробивать себе дорогу в этом мире. Что может быть приятнее, думала я, или проще, чем писать рассказы и чтобы люди их покупали? Можно писать где угодно, быть свободным от рутины и т.д. и т.п. И я начала писать. Я писала романы, просто ужасные романы, и короткие рассказы, которые отличались только своей краткостью. Не думаю, что кто-то удосужился их прочитать... они были написаны от руки... Я искренне надеюсь, что нет. И уж точно никто их не покупал. Бизнес в сфере образования отнимал у меня всё больше времени. Я преподавала плавание на нескольких летних секциях, и мне это нравилось, у меня хорошо получалось; я подумывала о том, чтобы зарабатывать этим на жизнь. Я увлеклась изучением речи и драматургии; я занималась всем, в том числе подметала сцену, и мне это нравилось. Мне очень нравилось актёрское мастерство, и я рассматривала сцену как карьеру. Но я не могла понять, какие роли я буду играть: мне не подходило амплуа наивной девушки, и в то же время я была слишком молода для характерных ролей. И, конечно

же, вся семья дружно ахнула, когда я упомянула о такой возможности; редкий случай, когда они были единодушны.

Поэтому мне оставалось писать. И мой любимый дедушка сделал это возможным, поддержав меня, когда я должна была искать работу. Я разбила своё сердце, пытаясь писать истории о людях, которых я не знала, местах, которых никогда не видела, соревнуясь в своём невежестве с такими писателями, как Джон Бьюкен, Талбот Манди и П.К. Рен, и забираясь так далеко, как только можно себе представить. Наконец я взглянула правде в глаза... научная фантастика – это то, что я действительно хотела писать, хотя все меня отговаривали... В те времена это был маленький, жалкий, низкооплачиваемый рынок, с обратной стороной престижа, но я решила, что мне все равно. Я чувствовала, что могу написать об этом; если я никогда не была на Марсе, то кто, чёрт возьми, был?

Время поджимало меня. Я не могла вечно оставаться подающим надежды будущим писателем, живущим за счёт дедушкиного кармана. В качестве последней отчаянной меры я поставила на Лоуренса Д'Орсе и его курс по агентству и писательскому мастерству, и это был самый удачный поступок в моей жизни. Генри Каттнер тогда читал у Лоуренса, и он проявил особый интерес к моим хромающим попыткам в области фантастики и фэнтези, и в свободное от работы время писал мне длинные и подробные критические замечания. Если бы не Хэнк, я, возможно, никогда бы не добилась успеха; или это заняло бы у меня гораздо больше времени. В 1939 году, всего через десять лет после того, как я впервые решила выбрать эту до смешного «лёгкую» карьеру, я продала свой первый рассказ в журнал Кэмпбелла *Astounding*.

Хэнк сделал больше. Он познакомил меня с LASFS (The Los Angeles Science Fantasy Society, Лос-Анджелесское сообщество научной фантастики), где я встретила с миром научной фантастики, как фанатов, так и профессионалов, и завязала дружбу, которая длится с тех пор, с Рэем Брэдбери, Джеком Уильямсоном, Форри Акерманом и другими... Хайнлайном, Вилли Леем, Кливом Картмиллом... Все они оказали неоценимую помощь в развитии моего воображения и амбиций. И, конечно, с Эдом Га-

МИЛЬТОНОМ.

Некоторое время я колебалась, но в конце концов взяла себя в руки и начала регулярно продавать рассказы в НФ журналы. Я не была плодовитым автором, и фантастический жанр ещё не был широко распространён, чтобы поддерживать мои обязательства, поэтому я переключилась на криминал и детектив, которые были моей второй любовью. Мой первый полноценный роман в твёрдом переплёте был детектив, пусть и в духе Хэмметта-Чандлера, но сделанный с любовью. Он не воспламенил миры, но Говард Хокс прочитал его, ему понравились диалоги, и я неожиданно для себя в 1944 г. начала работать над сценарием фильма «Большой сон», который стал началом моей карьеры сценариста.

Является ли возможным источником для написания «Долгого завтра» тот факт, что в детстве религия всегда вызывала у меня дискомфорт? Нет, не думаю, хотя, наверное, именно такое отношение позволило мне писать с этой точки зрения. С годами я приобрела отвращение к организованным религиям, к провозглашённой богооткровенной истине; этому способствовало тщательное изучение истории. Но непосредственным толчком к написанию "Долгого завтра" послужила культура амишей, с которой я впервые познакомилась, вернувшись в Пенсильванию/Восточный Огайо. Их способность великолепно функционировать без так называемых предметов первой необходимости современной цивилизации, таких как электричество (которое, добавлю, мне лично очень нравится), натолкнула меня на мысль, что они уникально подходят для того, чтобы вести за собой, хотя бы своим примером, население, оставшееся после атомной войны без средств к существованию в результате разрушения всех этих сложных систем, с помощью которых мы живём.

Что касается дней, проведённых в LASFS... что ж. Брэдбери был жизнерадостным парнем, трещащим по швам от драйва и таланта, которые он ещё не научился контролировать, он придумывал ужасные каламбуры,

Л. Брэккет, Р. Брэдбери, Э. Гамильтон, сестра Гамильтона.

зарабатывал на жизнь продажей газет, одевался обычно в выцветшие синие джинсы и ограничивал себя в питании гамбургерами и ананасовым солодом... далеко от сегодняшнего гурмана. Мы с ним, конечно, стали близкими друзьями и проводили многие воскресенья на пляже, просматривая рукописи друг друга, разговаривая о писательстве и научной фантастике... пара измученных жаждой путешественников в культурной пустыне.

В те времена научная фантастика не была ни популярной, ни уважаемой. Акерман был невероятно красивым юношей, к тому же склонным... как, впрочем, и сейчас... к ещё более ужасным каламбурам, чем Рэй, и к большему их количеству. Хайнлайн – учтив, вежлив, великолепный рассказчик, и хотя я никогда не знала его близко, я имела удовольствие присутствовать на нескольких «вечерах» на Lookout Mountain, которые были чрезвычайно воодушевляющими. С Вилли Леем в те дни я встретила лишь однажды, хотя узнала его лучше в более поздние годы;

тогда Вилли был стройнее и темнее, и совершенно очаровательный: помню, я рассказывала ему, как мне понравилась «Двоякодышащая рыба и единорог» [The Lungfish and the Unicorn: An Excursion into Romantic Zoology (Willy Ley)]. Изредка заглядывали «редкие птицы» из других мест: Эд, Джек Уильямсон, Док Смит. Джек был высоким и застенчивым, похожим на Джимми Стюарта [Джеймс Стюарт, американский актёр, хорошо известный нашему зрителю по фильмам А. Хичкока («Окно во двор», «Верёвка», «Головокружение») или по рождественской сказке для взрослых – «Это замечательная жизнь»], Эд – весёлым и красноречивым, с ними обоими было приятно общаться.

Насколько я помню, Док приходил только один раз, и его так превозносили, что я не могу с уверенностью сказать, что я вообще с ним встречалась. Позже, конечно, мы с Эдом оба полюбили его; никогда не было более прекрасного человека.

Рабочие привычки. Утром я первым делом сажусь за пишущую машинку; в противном случае, день вообще потерян. Обычно я работаю всё утро. Я редко работаю во второй половине дня, если только нагрузка была не слишком велика. Иногда работаю по ночам, но не так часто, как раньше; не знаю, почему так.

Обычно я делаю наброски в голове, но записываю то, о чём думала, чтобы не потерять какую-нибудь важную мысль. Иногда я придерживаюсь плана, иногда нет. Что касается пересмотра... Некоторые истории пишутся сами собой довольно легко. Другие – нет, и в окончательном варианте будет гораздо больше переписанного, чем написанного с первого раза. Я люблю, когда глава сразу вытекает плавно и не требует ничего, кроме лёгкой полировки. Ненавижу, когда приходится переделывать эту чёртову вещь более восьми раз, пока не получится то, что нужно, но я делаю это, ругаясь и потея. Самое странное, что разница в конечном продукте, кажется, невелика: одно читается так же, как и другое.

Главный источник идей для НФ? Бог знает. ЭРБ [Эдгар Райс Берроуз], очевидно, подтолкнул меня к Марсу. Часто что-то из прочитанного, иногда всего лишь строчка или фраза, заставляет задуматься. Как правило, в

котелке находится несколько идей, лишь частично связанных между собой. Иногда вдохновением служит место или атмосфера места, иногда персонаж или что-то из древней истории или предыстории, мифа или религии. Но невозможно сказать, как происходит процесс. Мне нравится создавать миры и пытаться проработать физические и психологические аспекты настолько логично, насколько это возможно.

То, что для меня всегда отличало фантастику от всех других видов писательства, – это старое доброе «чувство чуда». Где ещё я могу путешествовать среди «великих бурлящих солнц космоса» (вот вам и фраза, причём чисто гамилтъоновская... если великие солнца не бурлят, то им, чёрт возьми, следовало бы!), стрелять по огненным туманностям и заставлять падать планеты, куда я захочу? Где ещё я могу так полностью сбежать от реальности? Конечно, это литература эскапизма, и я её люблю.

Как я пришла к написанию сценариев? Я написала книгу, крутой детектив, который был опубликован в 1944 году. Говард Хокс прочитал её, и ему понравились диалоги. Он был несколько потрясён, узнав, что это мисс, а не мистер Брэккетт, но тем не менее заключил со мной контракт и поручил работать над «Большим сном». В последующие годы я сделала для него ещё четыре фильма, а также несколько сценариев, которые он не стал писать сам, и один так и не был поставлен. Мы прекрасно ладили, хотя и не без некоторых моментов разочарования с моей стороны. Написание сценария – это командная работа, а босс только один. Бывает, что лучшие, на ваш взгляд, идеи уходят в трубу, и, как ни странно, иногда продюсер оказывается прав.

Жизнь сценариста полностью отличается от жизни романиста в одном важном отношении. Романист работает один, в комнате с закрытой дверью, и он – Бог за своей пишущей машинкой. Сценарист же делает бóльшую часть своей работы, проводя конференции с другими людьми, и нигде он не является Богом. Он должен научиться думать на своих ногах, выдвигать идеи и не обижаться, когда их отклоняют, делать всё возможное с материалом, который ему не всегда нравится, и он должен научиться справляться со всеми посторонними фактами жизни, связанными с кинопроизводством, которые не касаются романиста. Например, бюджет,

личности и способности актёров, которые будут облекать в плоть его персонажей; практичность локаций и то, почему сцена, которой следует быть ночной, должна стать дневной из-за производственных трудностей, и т.д. и т.п. Плюс личность продюсера и его вкус к изложению истории. Плюс этот безликий демон, который раньше назывался Front Office; он распоряжался бюджетом и был весьма жесток в том, чтобы сказать «НЕТ». (У Хоукса такой проблемы не было, или, по крайней мере, у меня её не было, и это одна из причин, почему было хорошо работать на него: нужно было угождать только одному человеку, а не целой шайке, что бывает очень неприятно).

Сценарий рождается разными путями. Я работала с романами, неопубликованными рассказами, неснятыми киносценариями, опубликованными рассказами и оригинальными идеями, иногда своими, иногда чужими. Главное удовлетворение – хорошо собрать все кусочки воедино, взять разрозненные части и заставить их выглядеть так, будто всё это развивалось естественным путём. Когда все довольны, включая зрителей, вы свободны.

Ещё одно большое удовольствие это, конечно, зарплата. Она компресс от множества синяков.

Что касается утверждения, что литература в жанре научной фантастики и лихого меча и магии – не профессия для женщины... Я не знаю, кто сделал это заявление, но это полная чушь, как знает любой, кто когда-либо читал Эванджелин Уолтон. Когда я только начинала, в колонки старых журналов мне приходили письма, в которых говорилось, что женщина не может писать НФ, и я считала, что это так же разумно, как утверждать, что одноногий человек не способен играть на скрипке. Они имели право жаловаться на мои ранние рассказы, которые были не очень хороши. Как только я научилась писать, претензий я больше не слышала.

Я не могу ответить за другого автора фантастики, будь то мужчина или женщина, что его привлекает в этом жанре и почему. Некоторые мужчины пишут истории, под завязку набитые всякими гаджетами. Другие пишут самые нежные и прекрасные фэнтези. Одни женщины пишут о проблемах деторождения на тяжёлых планетах, другие – о штурме Валгал-

лы. Каждому своё. Я могу назвать вам лучших писателей-фантастов, мужчин, от Киплинга до Брэдбери, у которых в голове не было ни капли науки. Я могу назвать вам мужчин писателей-фантастов, которые никогда не махали даже мотыгой, не говоря уже о двуручном мече. И что? Прожив в браке более 27 лет, я полагаю, что могу сказать это, не сочтя странным, но я никогда в жизни не считала себя женщиной. Я всегда была собой, отдельной личностью, свободной и самостоятельной. Что бы я ни делала, думала или чувствовала, я делала, думала или чувствовала это не как представитель какой-то массовой группы, а как я сама. Я всегда отказывалась подчиняться стереотипам или ограничивать себя какими-либо другими ограничениями, кроме моих собственных. Для меня мой пол никогда не имел ни малейшего значения за пределами спальни. Я всегда была физически активна. Я размахивала мотыгой и могу сделать вывод о двуручном мече, потому что знаю, как ощущается удар в спине, плечах и глазных зубах. Не раз я сражалась с океаном за свою жизнь, так что могу экстраполировать это и на другие схватки. На самом деле, поскольку события, о которых мы пишем, настолько далеки от реального опыта 99% читателей – сколько из них штурмовали Валгаллу в своих кольчугах или сражались с берсерком? – что даже домосед может с полной убедительностью выдумать их на пустом месте. Писатели, мужчины или женщины, пишущие, например, исторические романы о крестовых походах, должны доверять воображению.

Касательно того, что мужчины ориентированы на действие, а женщины – на место, то я не понимаю, как можно иметь одно без другого. Я ориентирована на действие. Но место очень важно, поскольку оно определяет действие и людей, которые его совершают. Один из моих персонажей в «Рыжей звезде», когда его спросили, как он и его народ отнесутся к эмиграции в лучший мир, ответил: «Земля формирует нас. Если бы мы были в другом месте, мы были бы другим народом». Я не вижу, как можно избежать взаимосвязи. Культура хопи [хопи — индейский народ, проживающий в резервации Хопи на северо-востоке Аризоны] никогда не смогла бы развиваться в Скандинавии, и если бы Англия была Сахарой, то и там всё было бы по-другому. Когда я создаю народ, я должна сначала создать место, среду, в которой он живет, потому что от этого зависит, что он ест

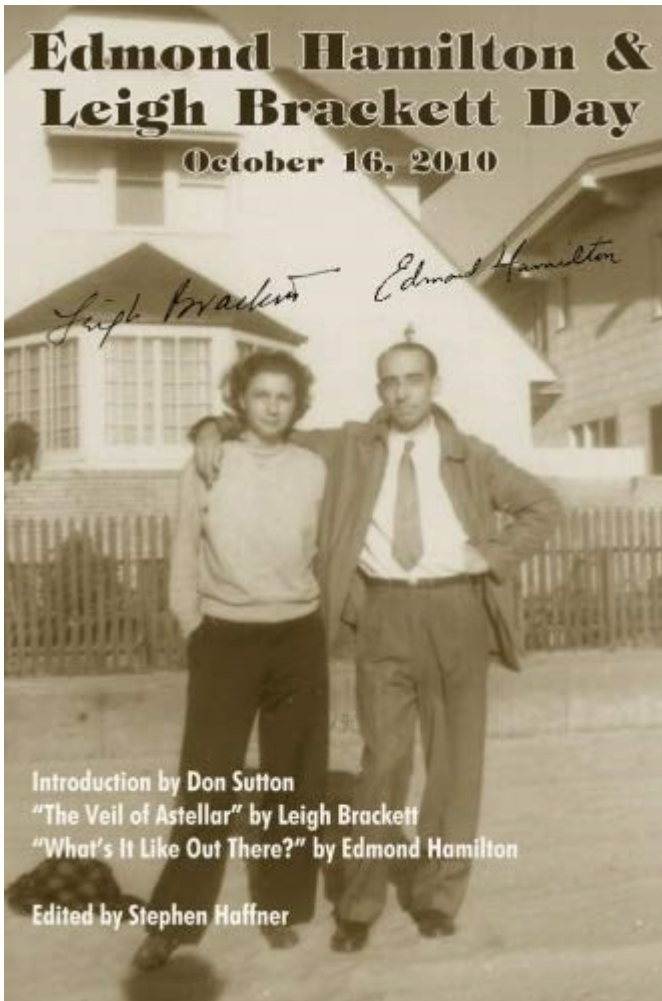
и как добывает пищу, какую одежду носит, какие дома строит, каким богам поклоняется, и что это за люди. Комната, зал, здание важны, потому что они отражают личность строителя. Толкиен, например, очень хорошо понимал, что такое «место». Как и Эддисон [полагаю, речь идёт об Эрике Рюкере Эддисоне (1882-1945), которого считают одним из основателей жанра фэнтези].

Если говорить чисто индивидуально, то фантастика и фэнтези привлекали меня тем, что они были такими великолепно свободными и «другими»... оторванными от обыденного и скучного мира, в котором я жила своей повседневной жизнью. Это было продолжением, или показателем моего увлечения экзотической историей, археологией и антропологией, которые также затронули струны симпатии, когда я познакомилась с ними через книгу Брестеда «Древний мир» (кажется, так она называлась) примерно в 7-м классе, или, возможно, это был 6-й.

Что я думаю о женщинах в фантастике? Абсолютно то же, что и о мужчинах. Если мне нравится рассказ, он мне нравится. Если не нравится – не нравится. Для меня не имеет значения, кто его написал.

Меня никогда не дискриминировали из-за моего пола, насколько я знаю. Редакторы покупают не секс, а истории. Что касается фильмов, то, наверное, я могла бы ходить и бить себя в грудь, потому что мне платили лишь четверть того, что получал Жюль Фертман за «Рио Браво». Но Жюль писал сценарии буквально ещё до моего рождения, и у него была целая гора высших наград, так что я считала, что он стоит больше, чем я. По мере того как я продолжала учиться своему делу и становилась более достойной, мне платили больше. Я всегда прекрасно ладила с мужчинами, с которыми работала. Думаю, это потому, что меня волнует только работа, а не игры между мужчиной и женщиной. Зависть и злоба, с которыми я сталкивалась, как ни странно, исходили почти исключительно от женщин, в большинстве своём непрофессионалов... кошачье-зубастая улыбка и милое: «Как бы я хотела быть такой же умной, как ты, и писать все эти книги.., я тупая и у меня только что родилось пятеро детей», что-то в этом роде..., но иногда и от профессионалов: одна воинствующая феминистка-актриса, с которой я, к своему ужасу, оказалась на одной дискуссии, с усмешкой сказала, что мужчины позволяют нескольким женщинам пи-

сать для них, и не менее воинствующий писатель, который сказал, что некоторые женщины пишут, как мужчины, и поэтому могут получить работу в отрасли, где доминируют мужчины. Я держусь как можно дальше от этой компании, что, я уверена, не прибавило мне популярности в женской группе Гильдии. Я презираю термин «женщина-писатель». Я не женщина-писатель. Я писатель, и точка. То, что я ещё и женщина, не имеет значения.

Мой совет молодым женщинам, которые могут сомневаться в выборе НФ как карьеры, заключается в следующем... Если вы хотите писать научную фантастику, пишите её, и зачем, чёрт возьми, сомневаться?

Что касается того, что я считаю своими «худшими» и «лучшими» рассказами. Ну, есть несколько рассказов, особенно среди моих ранних работ, которые по праву претендуют на звание «худшего». Что касается «лучших»... Писатель, как правило, хуже всех может судить о том, что является его лучшей работой, и в любом случае, то, что он может считать своим луч-

шим сегодня, не станет его выбором через десять или двадцать лет. У меня, конечно, есть свои любимые произведения, но будут ли они считаться моими лучшими или нет... Всегда хочется надеяться, что человек учится, растёт и становится лучше, так что его последнее усилие может также быть и «лучшей» работой на сегодняшний день.

Из Фантастики в Реальность

*То, что сегодня является фантастикой,
завтра вполне может стать реальностью*

Сэм Москович

Надувная база на Луне

Архитектурная студия Hassell совместно с Европейским космическим агентством (ESA) представило концепт Lunar Habitat — систему модульных надувных капсул. Их можно будет построить на естественном спутнике Земли, покрыв защитой, напечатанной на 3D-принтере, из лунного реголита, чтобы защитить колонистов от радиации.

Поселок, спроектированный для программы Discovery Европейского космического агентства, рассчитан на 144 человека и включает в себя жилые помещения, спортивные зоны, рестораны и большие теплицы.

Большие надувные модули имеют ширину около семи метров, длину около 18 метров и высоту до четырёх метров.

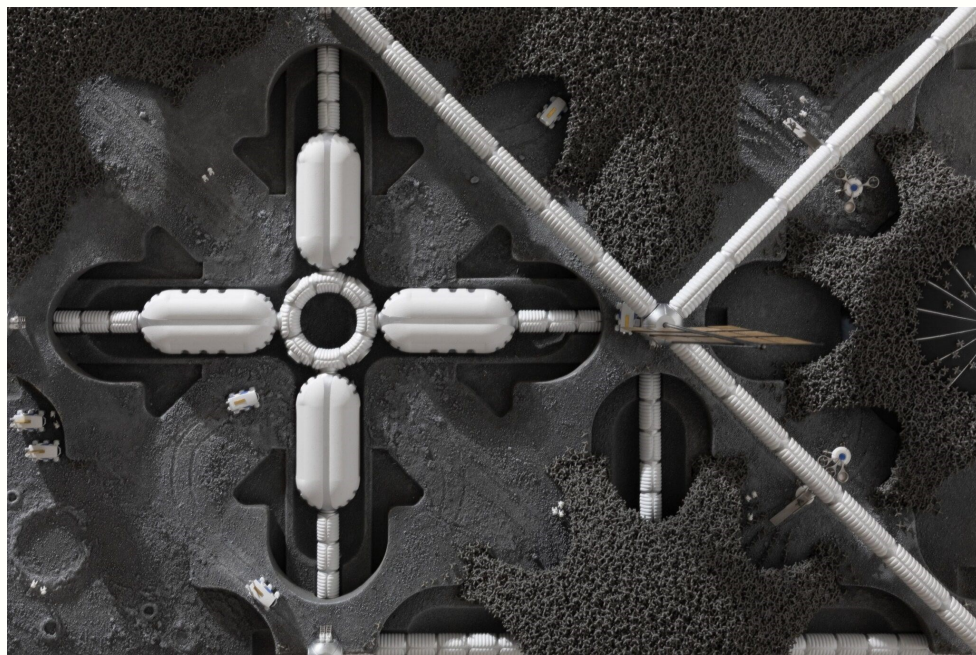
Поклонники писателя-фантаста Артура Ч. Кларка сразу вспомнят его драматическое описание надувной лунной среды обитания из книги «Лунная пыль», опубликованной в 1961 году:

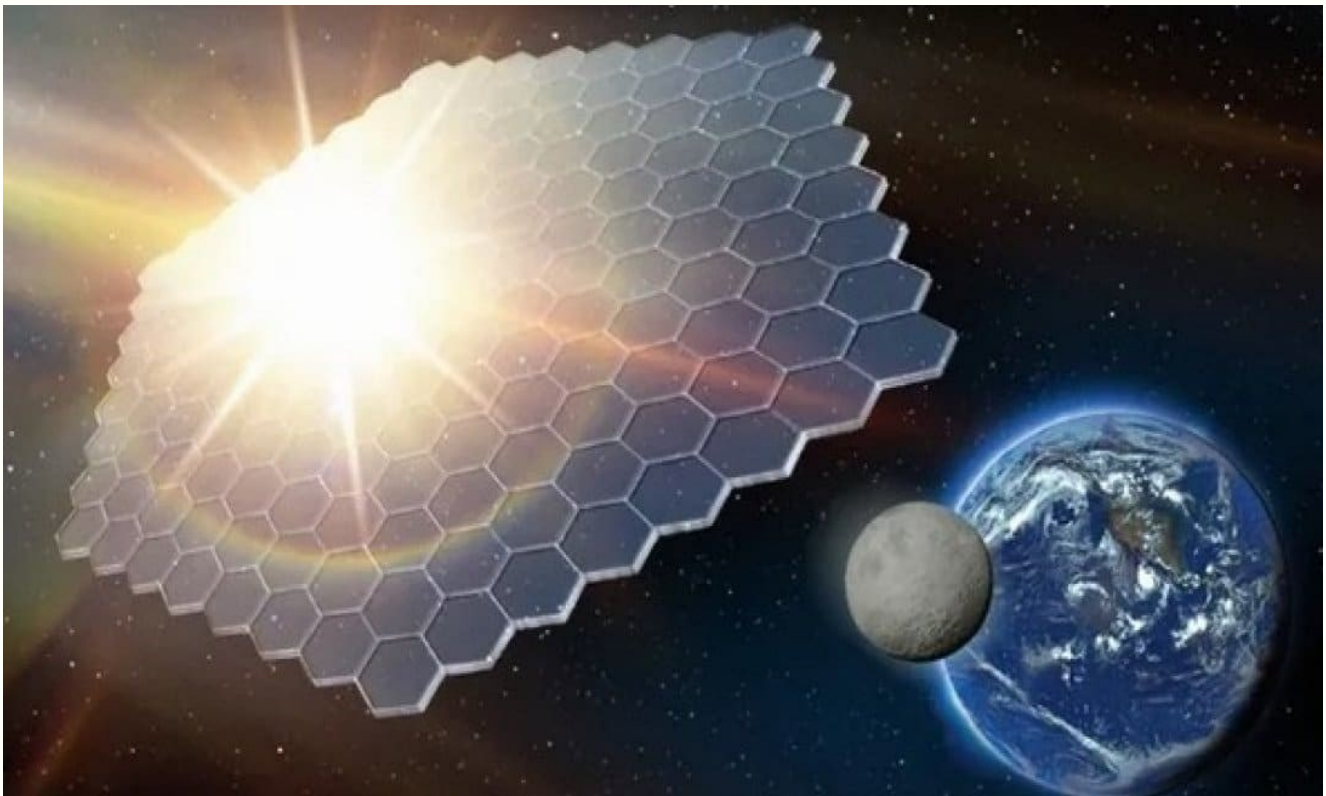
«Перед ним стоял один из последних образцов, марки «Гудьир ХХ», на шесть человек. Время пребывания в иглу не ограничено. Лишь бы подавали электрический ток, воду, продовольствие и воздух, остальное входит в комплект. Конструкторы даже о развлечениях позаботились: есть микробиблиотечка, радио- и видеоаппаратура. И это вовсе не излишняя роскошь, что бы ни твердили ревизоры. В космосе скука может в самом прямом смысле слова стать смертельной. Она убивает не так быстро, как, скажем, неисправный воздухопровод, но так же безотказно, и смерть может быть куда более страшной...

Лоуренс пригнулся, входя в переходную камеру. Вспомнились старые иглу, в которые забирались буквально на четвереньках. Дождавшись сигнала «давление уравнено», он шагнул в главную полусферу.

Все равно что очутиться внутри воздушного шара — и ведь по сути дела это так и есть».

Справа и на
предыдущей
странице:
концепт Lunar
Habitat

Космический «зонтик»

Идею создания в точке Лагранжа L1 системы Солнце — Земля искусственного «зонтика» или солнцезащитного экрана, который отражал бы большое количество солнечного света обратно в космос и минимизировал последствия изменения климата, обсуждают много лет. Недавно организация Planetary Sunshade Foundation (PSF) выпустила свое обоснование такого проекта.

По мнению исследователей из PSF, глобальный солнцезащитный экран может стать лучшим решением для управления солнечным излучением и должен рассматриваться как ключевая часть усилий по противодействию изменению климата на Земле.

Построить экран, по мнению сотрудников PSF, можно, применив технологии создания солнечных парусов для космических аппаратов. Однако, как и кто его будет строить, пока не понятно. В PSF считают, что проект

солнцезащитного «козырька» имеет множество преимуществ, заслуживающих инвестиций.

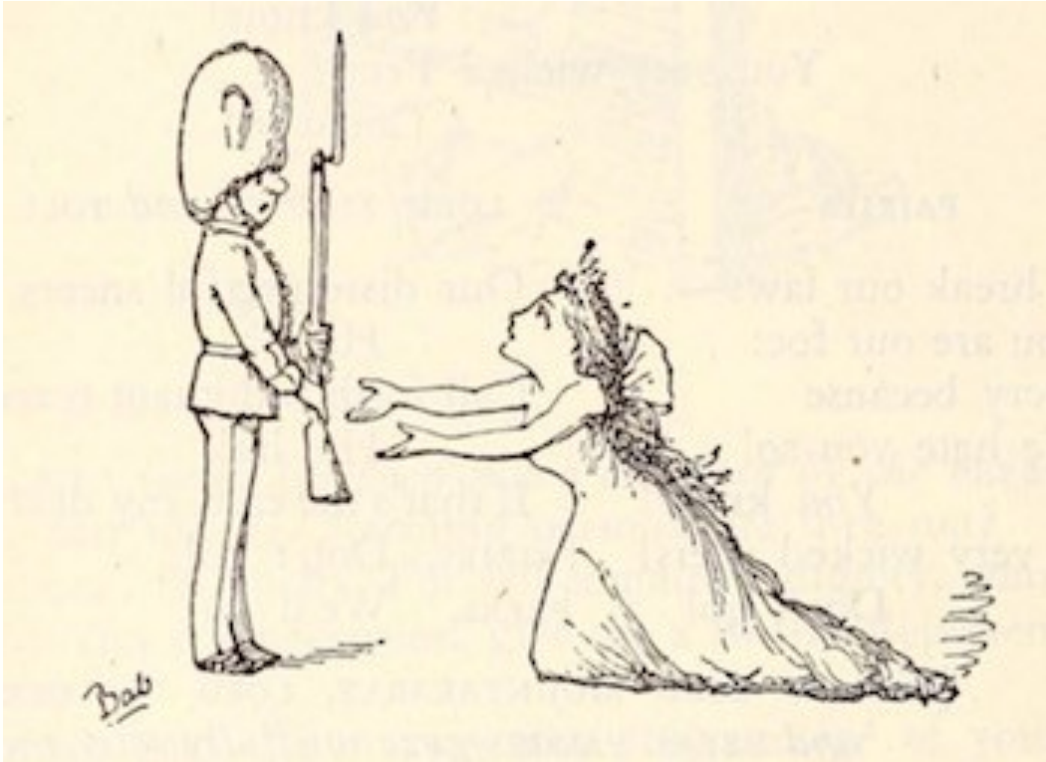
Писатель-фантаст (и технологический пророк) Артур Ч. Кларк высказал эту идею в своем эпохальном романе «Конец детства», опубликованном в 1953 году, но он рассматривал ее как наказание для своенравного государства:

«Больше ста лет Южно-Африканскую республику раздирали внутренние распри. В обоих лагерях люди доброй воли пытались перекинуть мост через пропасть, но тщетно — страх и предрассудки укоренились слишком глубоко и отрезали путь к соглашению. Опять и опять сменялись правительства, но отличались они друг от друга только степенью нетерпимости; вся страна отравлена была ненавистью и последствиями гражданской войны.

Когда стало ясно, что тут даже не попытаются покончить с дискриминацией, Кареллен предостерег неугомонных. Всего лишь назвал день и час. В стране возникли смутные опасения, но не страх и, уж конечно, не паника — никто не верил, что Сверхправители допустят насилие или разрушения, от которых одинаково пострадали бы и виновные, и невинные.

Так оно и вышло. Просто, достигнув меридиана Кейптауна, погасло солнце. Остался лишь еле различимый глазом бледный лиловатый призрак, не дающий ни тепла, ни света. Неведомо как, высоко в космосе, скрестились два силовых поля и преградили путь солнечным лучам. Безукоризненно круглая тень покрыла пространство диаметром в пятьсот километров.

Наглядный урок длился полчаса. Этого хватило: назавтра южноафриканские власти объявили, что белое меньшинство полностью восстановлено в гражданских правах».

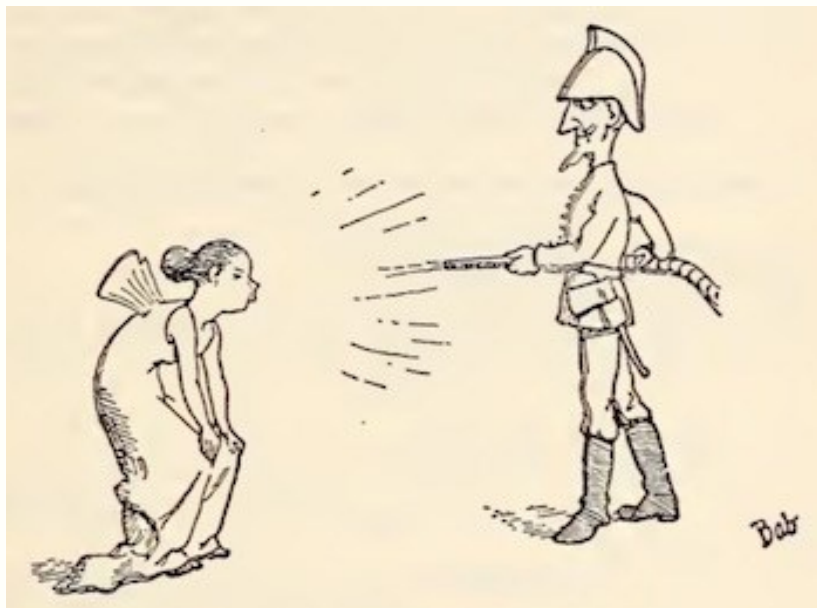
Алек Невала-Ли
Путь к «Основанию»

1 августа 1941 года Айзек Азимов отправился на метро в офис Джона В. Кэмпбелла в Нью-Йорке, и тогда история научной фантастики изменилась навсегда. В своих мемуарах «В душе по-прежнему молод» Азимов, которому в то время был двадцать один год, вспоминает момент, когда он впервые задумался о том, что стало зачатком цикла «Основание»:

«Я ломал голову в поисках идеи для рассказа. Ничего не придумав, я попробовал способ, который иногда применял и раньше. Я наобум открыл книгу и начал подбирать свободные ассоциации, начиная с того, что увидел первым. У меня с собой был сборник пьес Гилберта и Салливана. Я открыл «Иоланту» — картинку, на которой королева фей, бросается к ногам часового — рядового Уиллиса. Задумавшись о часовых, я подумал о солдатах, о военных империях, о Римской империи, о Галактической империи. Ага!».

По причинам, которые я сообщу ниже, я точно уверен, что иллюстрация,

описанная Азимовым, является той, что воспроизведена выше, и была нарисована самим автором текстов — У.Ш. Гилбертом. И что меня сейчас больше всего поражает в этой истории, так это тот факт, что Азимов посмотрел именно эту картину, полностью проигнорировал королеву фей и превратил её в цикл, в котором в течение многих лет не появлялось ни одной сколько-нибудь значимой женщины. Чтобы провести немного шутовское сравнение, если бы я был психотерапевтом, проводящим Азимову тематический апперцептивный тест, в ходе которого испытуемого просят посмотреть на картинку и придумать о ней историю, то именно в этот момент я бы слегка приподнялся на стуле.

Иллюстрации Гилберта к оперетте «Иоланта», опубликованные в книге «Пьесы и стихи У.Ш. Гилберта» (1932).

Недавно мне пришло в голову попытаться выяснить, какую конкретно книгу Азимов вёз с собой в поезде метро в тот день, хотя бы потому, что интересно покопаться в том, что писатель, возможно, читал в тот момент. Отличной моделью для этого предприятия стала «Дорога на Ксанаду» Джона Ливингстона Лоуза, который навязчиво связывает образы «Кубла-хана» и «Сказание о старом мореходе» с рассказами о путешествиях, которые Сэмюэл Колридж изучал в то время, когда писал эти вещи. Стоит отметить, что Азимов скептически отнёсся к подходу Лоуза:

«Я пытался осилить эту книгу в юности, но бросил. Она могла заинтере-

совать только другого исследователя Колриджа. Кроме того, я не видел в этом смысла. Допустим, что фразы уже существовали, разбросанные по дюжине книг, они существовали для всех людей. Только Колриджу пришлось в голову соединить их вместе с необходимыми изменениями, чтобы сформировать одно из величайших стихотворений английского языка. Возможно, Колридж и не был оригинален на сто процентов, но он был достаточно оригинален, чтобы сделать поэму гениальным произведением».

Но такого рода поиск сам по себе может быть увлекательным, и мне не потребовалось много времени, чтобы прийти к выводу, что книгой Азимова, скорее всего, стала «Пьесы и стихи У.Ш. Гилберта», которая была опубликована издательством «Random House» в 1932 году. Насколько я могу судить, это одна из двух книг, доступных в то время, которая включала в себя как текст «Иоланты», так и иллюстрации Гилберта, и найти её было достаточно легко. (Другая – книга под названием «Подлинные либретто опер Гилберта и Салливана», которая была опубликована несколько лет спустя, приуроченная к гастролям оперной труппы Д'Ойли Карта, но она вряд ли была той, что вёз с собой Азимов в метро).

Издание, как оказалось, доступно бесплатно онлайн [точка доступа: <https://archive.org/stream/playspoemsofwsgi00gilb>], и может быть забавным пролистать его, не забывая о молодом Азимове. Это не совсем литературная критика, а своего рода поток мыслей, и он ценен, прежде всего, цепочкой ассоциаций, которую вызывает. Книга открывается пространством вступлением Димса Тейлора, музыкального критика и участника Алгонкинского круглого стола, и мне хотелось бы думать, что Азимов видел в нём некоторые черты своего характера. Например, вот что Тейлор рассказал о молодости и писательской деятельности Гилберта:

«Какое-то время его работы, хотя и были многочисленными, не привлекали никакого внимания. Он перепробовал всё — репортажи, драматическую критику, передовицы, еженедельные новостные письма в провинциальные газеты, политическую полемику, эссе — все формы повседневной литературы, которые выходят из-под пера любого молодого человека, ко-

торый смутно «хочет писать» (желание которое, соответственно, не имеет цели). Результаты были незначительными с финансовой точки зрения. Он также не испытывал ни малейшего удовлетворения от осознания того, что есть те, кто наблюдает за ним, верит в него. Никто не наблюдал за молодым журналистом-подёнщиком, который ничем не отличался от десятков своих собратьев, за исключением того, что сочетал в себе дар говорить колкие вещи с полной неспособностью удержаться от их произнесения».

Напоминает Азимова в те дни, когда он пытался пробиться в *Astounding*, и по мере того, как я больше размышлял о самих Гилберте и Салливане, которые выявляли лучшее друг в друге, я впервые увидел в них тени Азимова и Кэмпбелла тридцатых годов, об их партнёрстве первый однажды написал: «Кэмпбелл и я в те первые три года моей писательской карьеры — решающие и формирующие — были симбиотическим организмом».

Но раздел, который заинтриговал меня больше всего, находится ближе к концу введения. С нежностью отзываясь о персонажах оперы «Корабль Её Величества „Пинафор“, или Возлюбленная матроса», «Микадо» и всех остальных, Тейлор пишет:

«Когда эта весёлая, глупая и обаятельная команда выскакивает на сцену, сумма всего, что они говорят, всегда одна и та же; и это романтично: что свет чистого разума отбрасывает гротескные тени; что мир, в котором нет ничего, кроме буквы закона, и логический вывод, и неизбежная дедукция, и аксиоматический факт, и рациональная линия поведения, в конечном счёте, смехотворны. Глядя на их мир, в котором есть всё, кроме истины, лежащей за пределами логики, мы понимаем, что это во многих отношениях невозможный мир».

Мне трудно читать это сейчас, не задумываясь о том, что Азимов был всего в нескольких шагах, когда отправился на метро в офис Кэмпбелла, от того, чтобы представить себе не что иное, как «мир, в котором нет ничего, кроме буквы закона, логического заключения, неизбежной дедукции и аксиоматический факт и рациональная линия поведения», которая в конечном итоге будет доминировать большую часть его оставшейся жизни. И хотя я не эксперт по Гилберту и Салливану, просмотр цикла

«Основание» через эту призму кажется многообещающим подходом. Азимов, как я уже отмечал в другом месте, похоже, никогда особенно не интересовался психоисторией, которая в основном была изобретением Кэмпбелла, и он лучше осознавал её ограничения, чем многие из её поклонников. (В романе «Конец вечности» Азимов описывает аналогичную группу учёных как сборище «психопатов»). И то, что Тейлор пишет об этих опереттах, с таким же успехом применимо ко многим историям, на которые они вдохновили: «Небо прояснилось, проблемы решились сами собой, и внезапно выяснилось, что всё в порядке. Каждая фундаментальная аксиома человеческих мотивов и поведения была нарушена, и мы в восторге».

Перевод и послесловие — А.Р.

Стоит обратить внимание на несколько моментов в эссе Невалы-Ли. Во-первых, заявление о том, что в цикле «Основание» «в течение многих лет не появлялось ни одной сколько-нибудь значимой женщины», не соответствует действительности. В данном случае стоит вспомнить Байту Дарелл, которая смогла помешать самому мощнейшему врагу психоисториков – Мулу обнаружить Второе Основание. Напомню, что Байта появляется в повести «Мул» (The Mule) впервые опубликованной в ноябрьском номере журнала Astounding Science Fiction за 1945 год, то есть спустя всего три с половиной года после выхода первой истории из цикла «Основание» — «Энциклопедисты», а не как не «многих лет». Во-вторых, чтобы проверить идею Невалы-Ли о книге, которую мог вести с собой Азимов к Кэмпбеллу, я попытался найти другие издания оперетт Гилберта и Салливана с рисунками Гилберта, их оказалась довольно много. Правда, часть из них были изданы в Англии и могли не попадаться в американских библиотеках. О том, что Азимов взял книгу с пьесами в библиотеке, сомневаться не приходится, так как у него просто не было в то время свободных денег, чтобы покупать книги. Следовательно, утверждать, что именно книга «Пьесы и стихи У.Ш. Гилберта» (1932) была с собой у Азимова, представляется сомнительным. С другой стороны, иллюстрация, которую приводит Невала-Ли в качестве той, что вдохновила Азимова, сомневаться не приходится, так как в изданиях

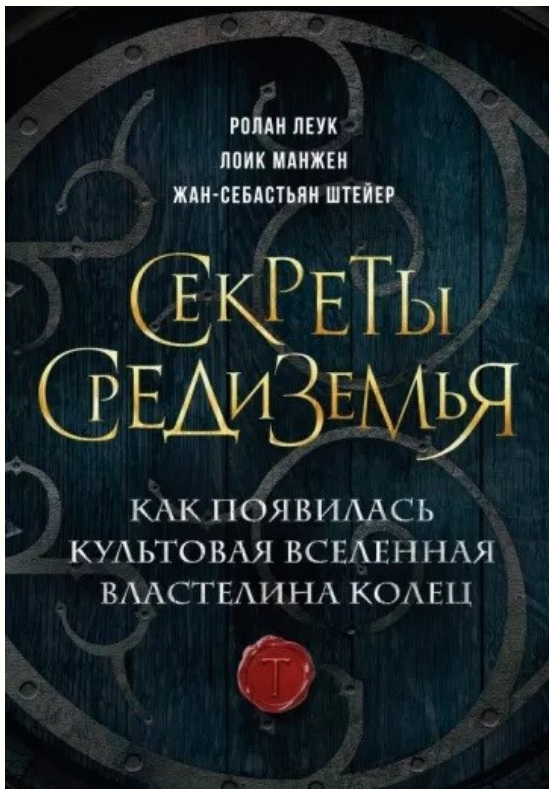
оперетт с рисунками самого Гилберта, в «Иоланте» нет более подходящей картинке, чем указанная американским исследователем на основании воспоминаний Азимова.

Иллюстрация из журнала *Astounding Science Fiction* (1945) к повести «Мул», слева на право: Байта, её муж Торан и Магнифико Гигантикус или просто Мул.

Книжная полка

Жан-Себастьян Штейер, Ролан Леук, Лоик Манжен

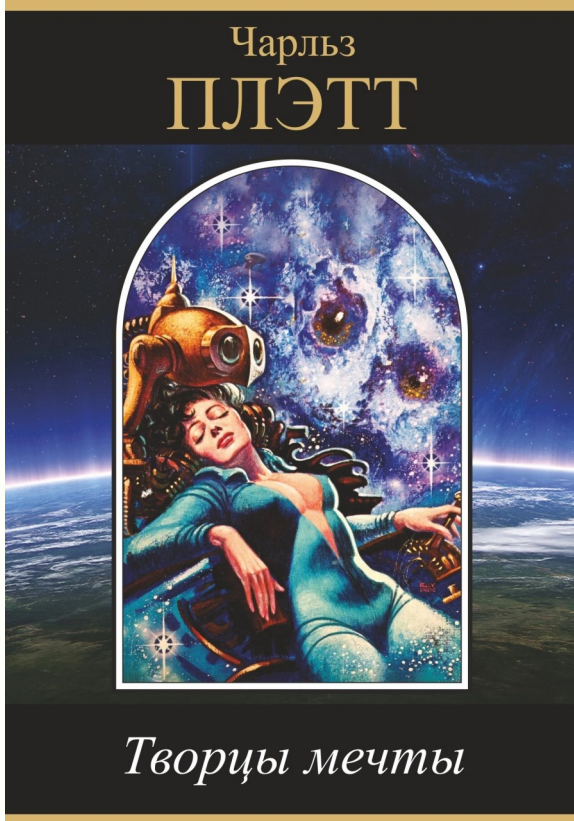
Секреты Средиземья: Как появилась культовая вселенная Властелина колец

Три редактора книги «Секреты Средиземья» (кстати, в оригинале книга называется «Наука Средиземья» и на английском языке уже есть несколько работ с таким названием) собрали материалы по широкому кругу тем: от гуманитарных наук, таких как социология и философия, до естественных наук, таких как геология, химия и эволюционная биология, чтобы максимально разобрать все аспекты фантастической Вселенной, созданной профессором Толкиным.

В большинстве глав используется один из двух подходов. Согласно первому, несколько авторов исследуют, откуда Толкин мог черпать вдохновение, обра-

щаясь к истории и мифологии (библейские тексты, кельтские легенды, валлийский фольклор, скандинавские саги, античные и германские мифы, финская эпическая поэма «Калевала») сравнивая легенды с Легендариумом профессора. Второй подход, которого придерживаются многие исследователи, — это изучение реализма Средиземья. Хотя Толкин открыто осуждал научный материализм и технологический тоталитаризм, он в то же время был строгим ученым, который стремился к внутренней последовательности в своих произведениях и посвятил всю жизнь созданию очень подробного и правдоподобного мира. Некоторые из его идей нарушают законы природы: полет драконов и гигантских орлов. Другие — вполне правдоподобны: в одной главе обсуждаются возможные свойства, объясняющие превосходное зрение эльфов. Некоторые даже близки к реальности, например, могут ли существовать энты? Некоторые главы отражают состояние науки во время жизни Толкина: вулканология 1930–50-х годов была не такой, как сегодня, а теория тектоники плит стала общепринятой только спустя десятилетия после публикации книг профессора. Исследователи считают, что работы Толкина демонстрируют его интерес и знание таких дисциплин, как спелеология, горное дело и металлургия. Вообще стоит отметить, что французские редакторы и авторы проделали огромную работу. Книга адресована поклонникам Толкина и довольно интересна. Хотя в русскоязычном

ИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

ИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

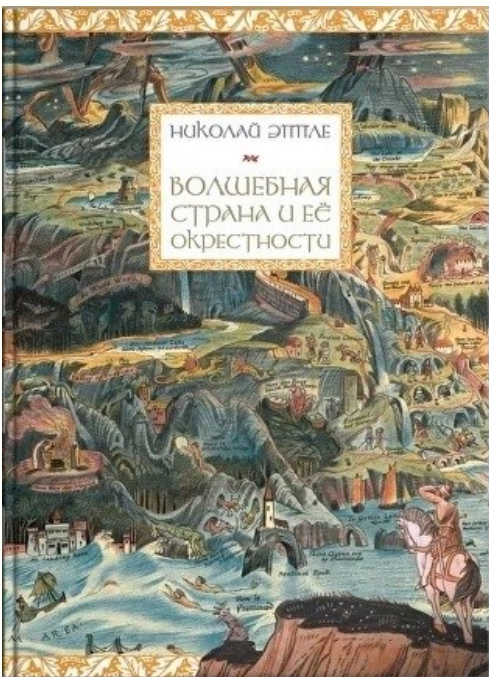
издание есть забавные ошибки, например, в разделе «Нуменор: Древний Египет в самом сердце Средиземья» указано [стр. 112], что усыпальница Александра Великого была разрушена землетрясением 365 г. до н.э., хотя сам Александр родился в 356 году до н. э., парадокс или скорее банальная ошибка переводчика и редактора.

Чарльз Плэтт

Творцы мечты

Британский писатель и журналист Чарльз Плэтт по заказу издательства Ariel Books взял интервью у двадцати девяти ведущих писателей в области научной фантастики (плюс написал материал про себя любимого), чтобы рассказать читателям, как авто-

ры создали свои самые известные книги, и ответить на некоторые часто возникающие, и, порой банальные вопросы: в своем ли уме находятся эти парни (за исключением Кейт Вильгельм, в книге все писатели, у которых Плэтт взял интервью, — мужчины), есть ли у них жена, дети, ипотека и машина в гараже? Каждая глава посвящена конкретному автору, и они составлены в соответствии с географическим принципом, начиная с восточного побережья США и продвигаясь на запад. Однако книга представляет собой не просто банальные фрагменты в стиле вопрос-ответ. Плэтт описывает, как живет тот или иной писатель, дома у которого он побывал, а также делится с читателем личным впечатлением о каждом авторе, подкрепляя свои выводы цитатами из интервью, которые были записаны на диктофон. Несмотря на то, что интервью были отредактированы не только Плэттом, о чем он упоминает в предисловии, интересно, что на них сохранился едва заметный отпечаток его мнения о конкретных авторах, что делает книгу еще интереснее. Также стоит отметить, что «Творцы мечты» это первый том интервью Плэтта с писателя-фантастами, поэтому стоит ждать выхода в самиздате и второй книги, в которой Плэтт пообщался с Ларри Нивеном, Теодором Старджоном, Л. Роном Хаббардом и многими другими!

Николай Эппле

Волшебная страна и её окрестности

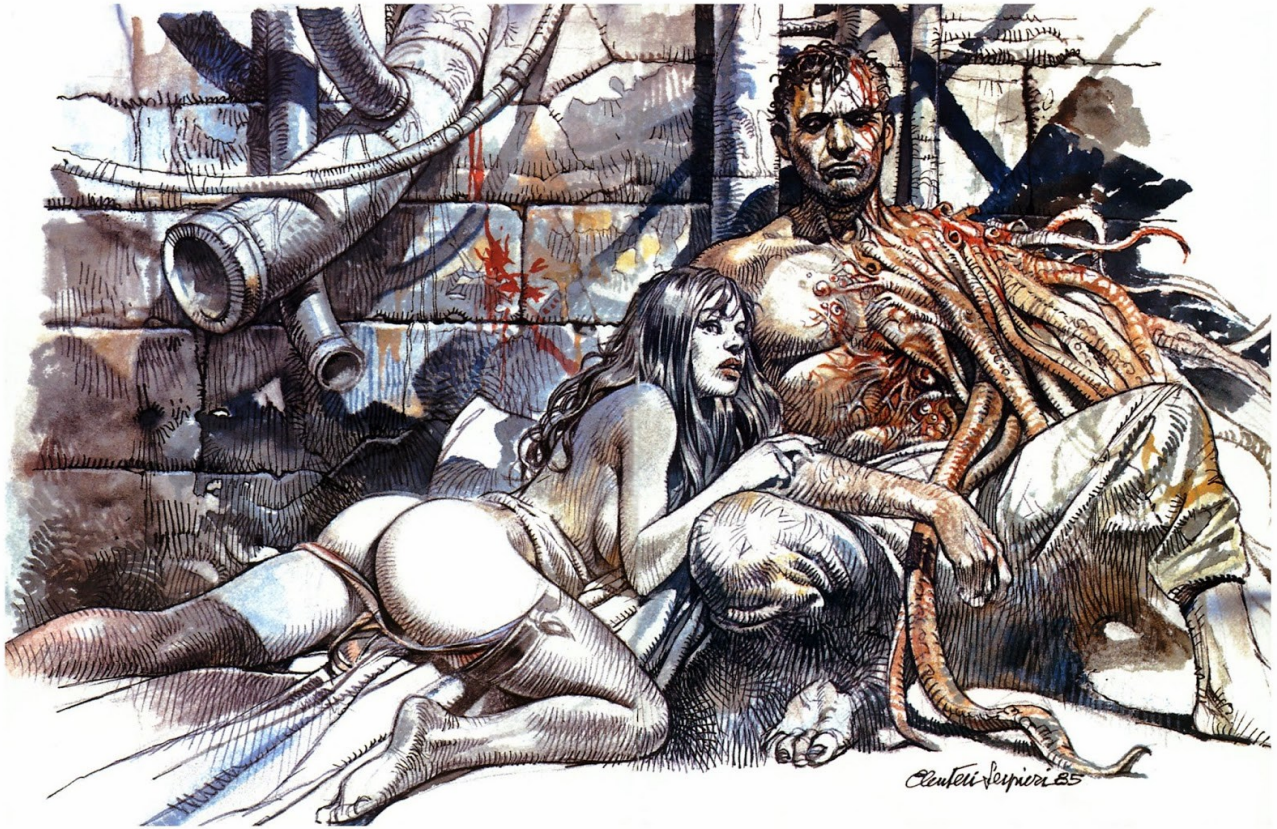
Читателей ожидает увлекательная экскурсия в Волшебную страну, которую проведет филолог и переводчик Николай Эппле. Книга выросла из серии статей, которые автор написал для проектов «Горький» и «Арзамас» о жизни и произведениях популярных британских писателей и писательниц. Эппле кратко рассказывает о наиболее интересных моментах биографий проводников в Волшебную страну, повествует о создании литературных произведений и подмечает интересные факты из книг, которые уже читает не одно поколение.

Эппле показывает, как британские создатели волшебной сказки влияли на творчество друг друга. Как вещами Чарльза Уильямсона зачитывался Джордж Макдональд, а затем он повлиял на произведения Льюиса и Толкина, что автор

«Винни-пуха» был поклонником «Ветра в ивах» Кеннета Грэма, а Пратчетт горячим фанатом создателя Средиземья, тогда, как Филип Пулман называл себя анти-Льюисом, а Джоан Роулинг и Сюзанна Кларк находились под впечатлением от «Хроник Нарнии», создавая «Гарри Поттера» и «Паранези».

Стоит отметить, что книга прекрасно оформлена: фотографии писателей соседствуют с иллюстрациями из книг, обложками первых изданий и рисунками.

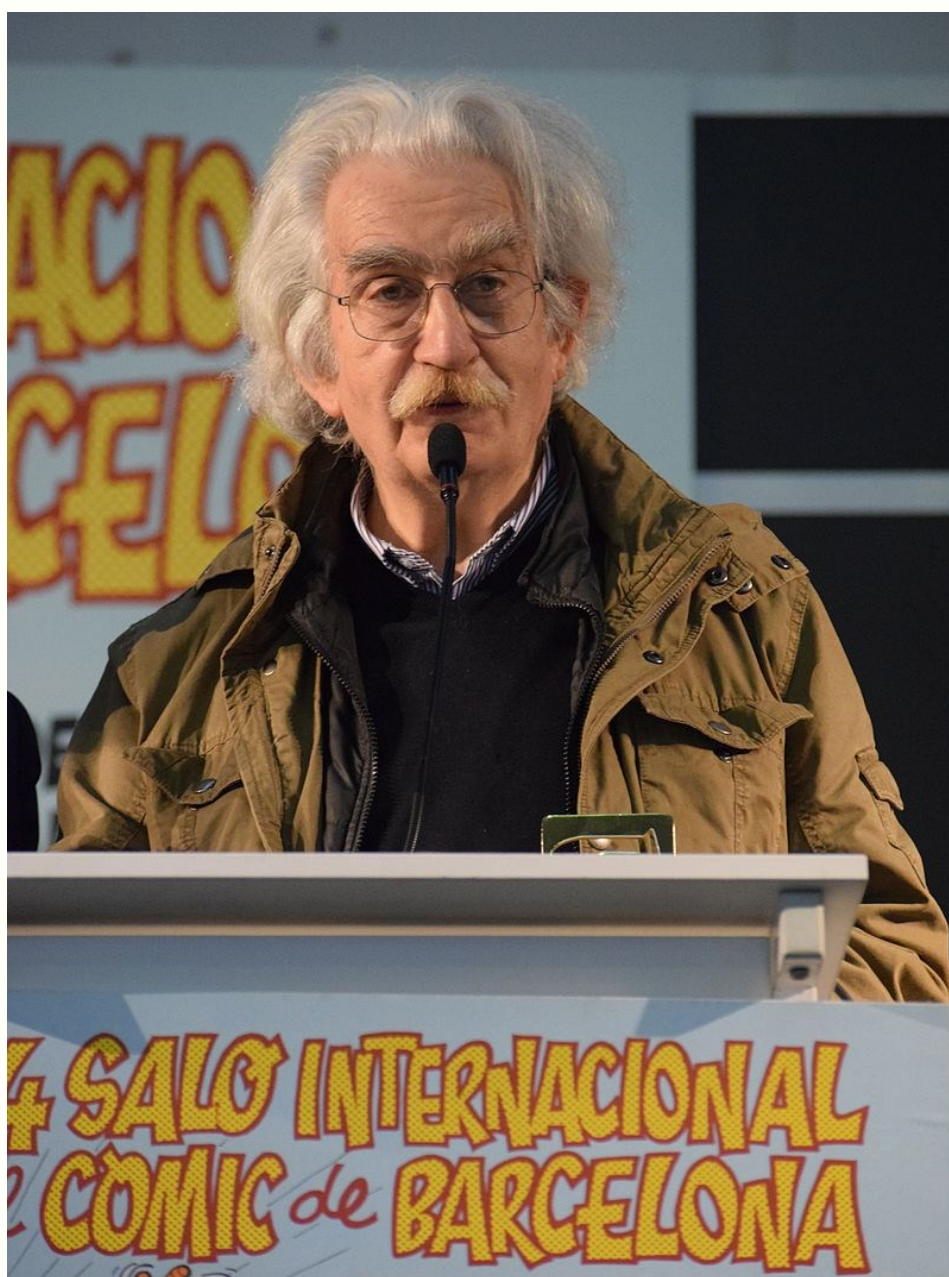
Друна, эротическая фантастика Серпиери

80 лет назад 29 февраля 1944 года в Венеции на свет появился Паоло Элеутери Серпиери, который в юности переехал в Рим, где изучал архитектуру и живопись в Римской академии изящных искусств и начал свою карьеру художника в 1966 году. И, возможно, Серпиери так бы и остался местным талантливым художником, если бы в 1975 году он не переключил своё внимание на комиксы. Серпиери нравилась атмосфера американского Дикого запада, и он обожал фильмы Серджо Леоне, поэтому его первый комикс – вестерн-сериал «L'Histoire du Far-West» был посвящён ковбоям и индейцам. Серпиери прекрасно знал анатомию и великолепно умел изображать людей, особенно женщин, поэтому в 1985 году он опубликовал «Morbus Gravis», первое произведение фантастической саги о сексуальной девушке Друуне. История сразу же вызвала фурор, хотя и была неоднозначно принята в кругах поклонников фантастики и комиксов из-за содержания реалистичного и откровенного контента, включая изображения насилия и порнографии в футуристическо-безобразном мире бу-

дущего.

Истории о Друуне, девушке невероятной привлекательности, которая живёт в декадентской среде, и вынуждена заниматься сексом, чтобы выжить, имели огромный успех: было продано более миллиона экземпляров книг, которые были переведены более чем на двенадцать языков. Одно время истории о Друуне публиковались в американском журнале о научной фантастике, фэнтези и комиксов *Heavy Metal*.

В честь юбилея художника мы представляем небольшую подборку работ Серпиери.

Паоло Элеутери
Серпиери

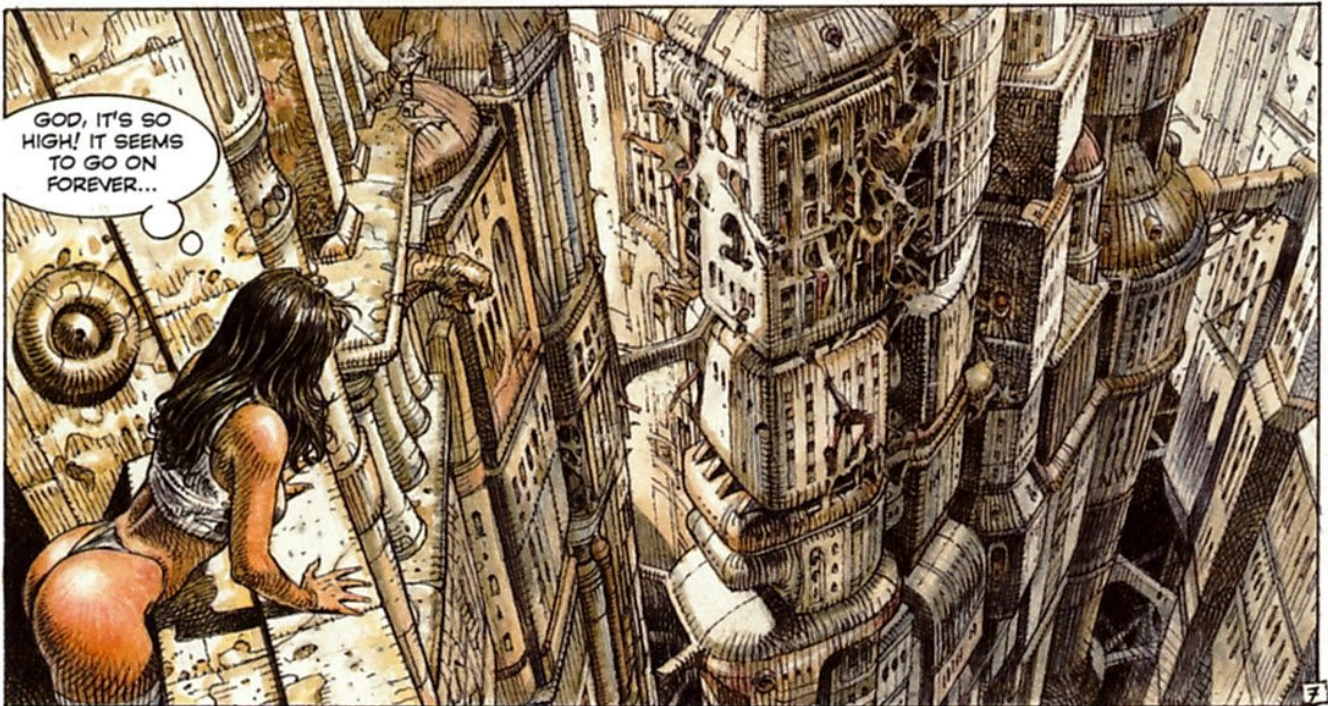
I'M SURE THESE SINISTER FEELINGS ARE TOTALLY UNFOUNDED, BUT THIS PLACE IS SO CREEPY THAT IT'S BEGINNING TO AFFECT MY BEHAVIOR. THE ATMOSPHERE IS OPPRESSIVE.

I'VE BEEN SO WRAPPED UP IN MY OWN THOUGHTS THAT I HADN'T EVEN NOTICED THAT LIGHT FROM OUTSIDE... AMAZING... IT'S A CITY, A CITY!...

GOD, IT'S SO HIGH! IT SEEMS TO GO ON FOREVER...

I CAN'T BELIEVE THIS!

HOLD ME TIGHT... ARE YOU ENJOYING THIS?

YOU ARE BEAUTIFUL... I WANT TO UNDERSTAND...

NO, NO... THERE'S NOTHING TO UNDERSTAND... TOUCH ME... FEEL ME... I WANT TO MAKE LOVE...

YES, YES... BUT ALL THIS IS ABSURD... UNBELIEVABLE!

WHAT IS ABSURD?

EVERYTHING! EVEN YOU... IT IS ALL A DREAM...

TAKE ME... TAKE ME NOW, PLEASE... I LOVE THAT, YOU KNOW?

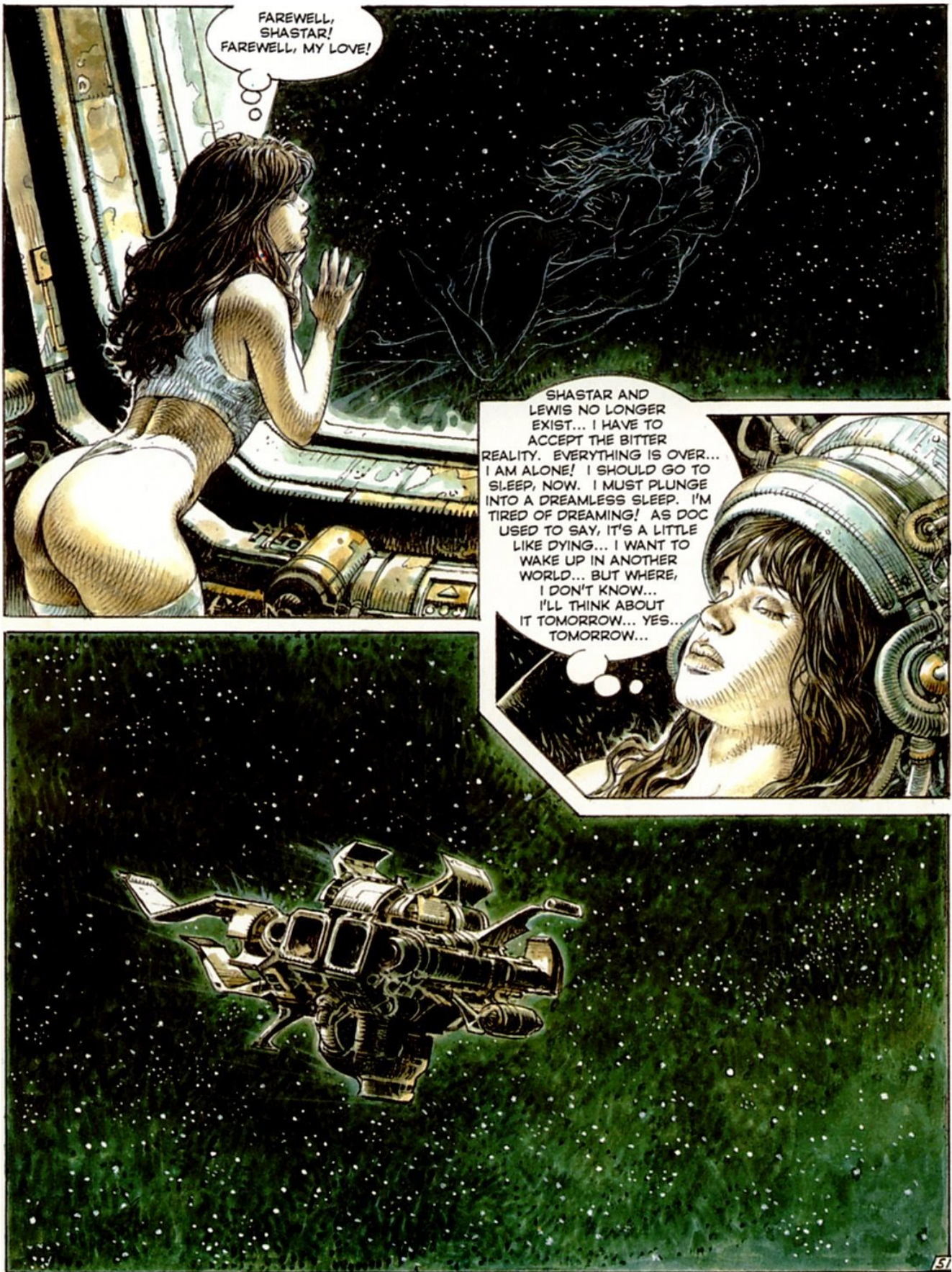
OKAY... OK... IT WILL BE AS YOU WISH...

YES... YES... WOW! YOU ARE MAGNIFICENT!

YES... TOUCH ME... MAKE ME FEEL PLEASURE... HE WANTS ME TO... MY PLEASURE IS HIS PLEASURE.

BUT, WHO IS HE, BY GOD?

PLEASE... TAKE ME NOW... I BEG YOU...

NO, PAULA...
COME HERE...
OH, SHASTAR,
PLEASE!

IT'S IMPOSSIBLE,
SHE CAN'T COME.
WE DON'T HAVE
ANY TIME
LEFT...

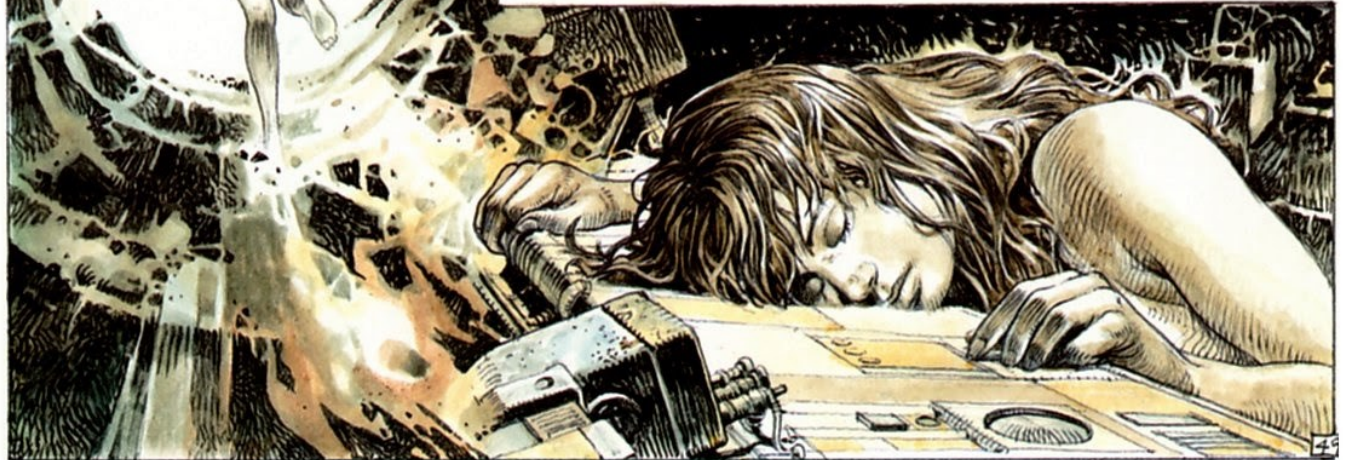
GO, DRUUNA,
GO... YOU'RE ALIVE.
YOU MUST LEAVE... DON'T
FORGET ME... FAREWELL,
MY FRIEND...

HURRY,
DRUUNA. BEYOND
THAT TUNNEL IS
LIGHT, SALVATION
AND LIFE... GO,
DRUUNA... GO...

YES... YES.
BUT, WHAT ABOUT
YOU? AREN'T YOU
COMING?

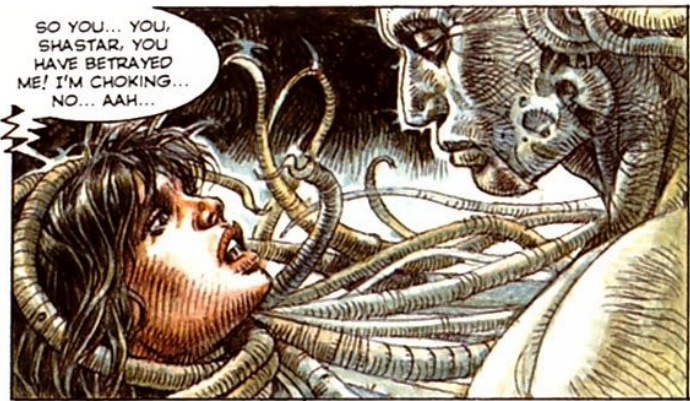
SHASTAR...?

AAHH... NO, NO,
LET ME GO...
NO! SHASTAR!
HELP!

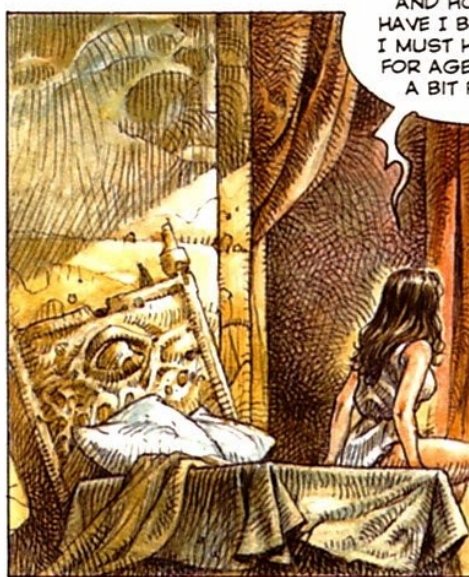
FORGIVE ME,
DRUUNA, BUT
I HAVE TO...

SO YOU... YOU,
SHASTAR, YOU
HAVE BETRAYED
ME! I'M CHOKING...
NO... AAH...

OH, MY GOD...
NO... WHAT ARE
THEY DOING TO
ME? NO...
NOT THAT!...

WHERE AM I?...
AND HOW LONG
HAVE I BEEN HERE?
I MUST HAVE SLEPT
FOR AGES... I FEEL
A BIT FUNNY...

Обыватель

Ключ наконец-то попал в замочную скважину, Андрей ловко провернул его против часовой стрелки несколько раз, и дверь, поддавшись его манипуляциям со скрипом отворилась.

«Ух, да я молодец», – пробежала шальная мысль в воспалённом алкоголем мозгу Андрея.

Он толкнул дверь, ввалился в свою квартиру, и тут его ноги заплелись в коридорном коврикe, что-то шмыгнуло между ними, и Андрей, с нецензурным криком про чью-то мать, повалился на левый бок. Чёрная тень отскочила к шкафу, стоявшему в прихожей, потом, увидев себя в зеркале, быстро метнулась в сторону и очутилась на пуфике.

«Это Дрёма», – понял Андрей, признав в чёрной маленькой фигурке на пуфике кота. Плечо дико болело после встречи с линолеумом. Андрей медленно поднялся, пошатываясь, закрыл входную дверь на засов и, снимая ботинки, снова чуть не встретился с полом, на этот раз лицом: спасли парня его руки, крепко вцепившиеся в прихожую. Шкаф крякнул, покачнулся от повисшего на

нем Андрея, и его дверка распахнулась. Андрей открыл рот: за дверью шкафа вместо привычных вешалок с куртками он увидел поляну с сочной зелёной травой, залитую солнцем, с которой на него взирал огромный тигр. Большая кошка повернула свою массивную голову к Андрею и, облизнув морду, по-человечески сказала:

– Привет!

Андрей ахнул и сел мимо пуфика на пол, спугнув своим падением кота Дрёму.

– Тебя что, не учили здороваться? – возмутился тигр.

– Эээ... Здравствуйте, – промямлил Андрей.

Тигр кивнул, потянулся, встал и направился к Андрею, но не вышел в коридор, а остался стоять на самой границе шкафа, у распахнутой двери, как бы боясь сойти с травы на линолеум.

– Меня зовут Освальд. Я рад, что встретил тебя, – продолжил тигр, – нам некогда тут рассиживаться, пойдём, я все объясню по дороге.

Андрей дико замотал головой. «Что за ерунда? Я никогда, никогда больше не буду пить. Это же не белочка! Это тигр!» Голова закружилась, и Андрея вырвало.

Тигр не обратил вынимания на шараханья молодого человека. Он уже на пол-оборота отвернулся от двери.

– Ну, давай же, идём! Ледяная королева скоро уничтожит лето в моей стране, мне нужна твоя помощь.

– Ни за что, – заорал Андрей и с размаху захлопнул дверь шкафа, зеркало от удара треснуло. Все исчезло – трава, солнечный свет, тигр, пение птичек. Наступила тишина. Андрей без сил развалился на полу и уснул.

Прошло два дня.

Утром Андрей, как всегда, стоял на остановке общественного транспорта и ожидал свой автобус. Автобус задерживался уже на пятнадцать минут, парень нервничал, то и дело смотрел на часы, как будто с помощью этих действий он мог волшебным образом приблизить прибытие транспорта.

И тут кто-то сказал: «Добрый день!» Андрей вначале не обратил внимания, потом голос произнёс ещё раз более настойчиво: «Андрей, я к тебе обращаюсь, добрый день! Чудесная погода, не правда ли?».

Андрей огляделся. На остановке кроме него находилась какая-то бабка, уткнувшаяся в газету «Права труда», на первой полосе которой красовалась большая чёрная надпись: «Доживи до 70-ти, удиви пенсионный фонд» и парень неформального вида, весь в татуировках и пирсинге, уши его были заткнуты наушниками, и неформал смотрел куда-то вдаль, не мигая. Людей больше не было, только две собаки крутились вокруг урны с мусором, одна пыталась забраться верхом на вторую. И все бы ничего, если б обе собаки не были кобелями. Андрей скривился, ещё раз окинул взглядом остановку.

– Да, погода неплохая, – произнёс он вслух, никто не обратил на него внимания.

«Андрей, послушай. Ты меня не видишь, я говорю с помощью телепатии, я у тебя в голове».

– Что за на..., – выругался Андрей. Бабка оторвалась от газеты и гневно зацокала языком.

– Вот молодёжь пошла, одни матершинники, тьфу, – прогнусавила бабка.

«Андрей, просто думай, отвечай мне мысленно, не привлекай внимание окружающих. Я знаю, это странно, но все в порядке», – продолжал звучать в голове мелодичный голос.

«Угу», – подумал Андрей, – «Я схожу с ума, но я слушаю тебя, конечно, продолжай».

«Спокойно, Андрей. Только не падай, ты не сходишь с ума, меня зовут принц Раат, я сын императора Архаддама Десятого с планеты Грязь, что вращается вокруг двойной звезды в созвездии Лебедя. Мой народ недавно столкнулся с угрозой межгалактического масштаба. Наша планета подвержена нападению расы воинствующих киборгов, их джихад направлен против всех разумных существ гуманоидного типа. Понимаешь, сейчас идёт война на полное истребление моего народа. Ты нужен нам, Андрей, потому что твой мозг работает особым образом, только ты сможешь привести в действие космолеты Битвы, ты прирождённый лётчик-истребитель», – голос дико тараторил в голове Андрея.

«Какой, к черту, лётчик? – изумился парень, – да у меня даже водительских прав нет, товарищ принц, сгиньте, пожалуйста, из моей головы, мне и без вас проблем хватает, у меня ипотека, поймите же!». Мольба Андрея возымела своё действие, голос умолк, а автобус наконец-то пришёл на остановку.

В этот же день, возвращаясь с работы Андрей, заглянул в почтовый ящик и обнаружил там вместе с квитанцией на оплату коммунальных услуг абсолютно чёрный конверт с серебряной витиеватой надписью «Иванову Андрею». На конверте отсутствовал адрес отправителя, так же, как и адрес получателя.

«Вот, это да!», – думал Андрея, поднимаясь в лифте, – «наша почта делает успехи, раз может доставлять письма по назначению даже без адресов».

Уже дома Андрей на секунду задумался о том, что это письмо прислано не ему, а другому Андрею Иванову, но тут же отбросил эту мысль, ведь конверт находился в его почтовом ящике.

Отложив квитанцию в сторону, Андрей покрутил письмо в руках, но не найдя на нем и следа клапана заклейки, решил вскрыть кухонным ножом. Письмо выскользнуло у него из рук и, коснувшись пола, вспыхнуло разноцветным огнём, повалил сизый дым, прогремели фанфары, и весёлый детский голос загремел на всю квартиру:

– Поздравляем-поздравляем! Именно вы были выбраны из миллионов претендентов и теперь сможете обучаться в знаменитой Школе магических наук и шарлатанства, что находится в дивной Англии! Скорее-скорее собирайте вещи, ковёр-самолёт уже ждёт Вас на балконе! Наши поздравления!

Дым рассеялся, огонь исчез, а чёрный конверт завис в воздухе. Он медленно вращался. Андрей откашлялся, на его глазах выступили слезы от дыма.

– Какая ещё школа? Опять учиться? Да я ж два года назад лесотехникум окончил!

Конверт перестал вращаться. Опять раздался детский голос:

– Эм... То есть Вы отказываетесь?

Андрей медленно кивнул. Он услышал чей-то тяжёлый вздох, и конверт лихо спикировал мимо него в форточку и был таков. Андрей оглядел комнату, его кот взирал на него большими жёлтыми глазами. Все было как всегда.

Пятница. Утро.

Сегодня Андрей не пошёл на работу, сославшись на простуду. Нос немного заложило, и температура была 36 и 7. Он сидел на кухне и пил только что сваренный кофе. На столе лежали конфеты, пряники, булки, мармелад и круассаны. Вчера к нему заходила в гости мама и оставила все это богатство. Глаза разбегались: что бы съесть?

В дверь позвонили. Андрей проигнорировал. Через минуту опять раздался звонок. Потом ещё раз, а затем постучали так, словно пытались выбить дверь.

– Совсем что ли с ума посходили, – рассердился Андрей и, бросив пить кофе, отправился открывать.

На пороге стоял древний дед с длинной белой бородой, в широкополой шляпе, каком-то синем балахоне и со здоровой дубиной, на которую дед опирался как на посох. Андрей опешил.

– Здорово живете, – улыбнулся дед, – я зайду, милоч?

Дед, не дожидаясь ответа, лихо протиснулся мимо Андрея и уже прошаркал на кухню. Андрей осмотрел дверь на наличие вмятин, их не оказалось. Он, затворив дверь, тоже отправился на кухню. Дед уже по-хозяйски расселся за столом, отпил кофе из кружки Андрея, что-то съел и достал из рукава большую трубку. Андрей сел рядом с дедом не в силах что-либо произнести. «Это ещё, что за свидетель Иеговы?», – подумал парень.

Дед не спеша набил трубку табаком, щёлкнул пальцами, вспыхнул огонёк, табак начал ветшать, а дед сладко затянулся, потом выдохнул дым, который превратился в корабль с парусами и, покачиваясь, словно на волнах отправился в сторону вентиляционной решётки. Андрей проводил кораблик взглядом.

Дед закашлялся. Потом посмотрел Андрею прямо в глаза. У старика были ярко-синие очи, в них медленно плыли маленькие белые облачка.

– Андрей, – сказал серьёзно дед, – я понимаю, что у тебя куча своих дел, но мне и моим друзьям срочно нужна твоя помощь. Ты должен отправиться вместе со мной в Чёрноморье за дальний предел и забрать драгоценную коль-

чугу Дар-Баэна у красного дракона. Это будет не просто, поэтому даю тебе три дня на сборы. Я знаю, что ты очень талантливый молодой человек и, главное, честный, и я уверен, что ты не откажешь старику в такой пустяковой просьбе.

– А далеко это ваше, как его? Чёрноземье? – немного помявшись, спросил Андрей.

– Да нет, что ты, одна нога здесь другая там, никто и не заметит. На твоей работе я уже всех предупредил, что в ближайший год ты там не появишься.

– ЧТО? – задохнулся от гнева Андрей, – Какого х...? Да как ты смеешь, старый хрыч! А ну выметайся!

Сам не понимая того, что с ним происходит, Андрей схватил старика за балахон, поднял на ноги и вытолкал из кухни, а потом выставил в подъезд. Дед не сопротивлялся, лишь ухмыльнулся в бороду. Андрей захлопнул входную дверь, руки его тряслись, лицо стало красным как помидор. И тут в дверь опять постучали. Андрей лихо распахнул её и хотел заорать, но перед ним стоял уже не дед, а здоровый мужик в армейской форме, а за его спиной маячили ещё два молодых, но крепких солдата.

– Здравия желаю, – заулыбался военком, – Вы – товарищ Иванов?

– Я, – стушевался Андрей.

– Отлично! – военком достал откуда-то планшет, вручил опешившему Андрею повестку, попросил расписаться здесь и тут. Ноги Андрея стали ватными, он подписал бумаги.

– Очень хорошо, – сказал военком, – сегодня как раз призыв начинается.

– Как же так, я ж не здоров, у меня ж кривоножие и плоскоручие, мне ж вначале на медкомиссию надо, – лепетал Андрей.

– Ну, дорогой, – пожал плечами военком, – мы тебе столько раз предлагали альтернативную службу и даже учёбу, но теперь, уж извини, кому-то надо Родину защищать.

Военком повернулся к крепким парням, что стояли за его спиной:

– Забирай его, ребята.

Почтовая станция

Вот и подошёл к концу второй номер нашего киберзина «НИИЧАВО», однако грустить не стоит! Редакция издания предлагает всем желающим поучаствовать в создании следующего номера, который появится 1 июня 2024 года. Для этого стоит отправлять свои материалы (интересует история отечественного фэндома с фотографиями, воспоминания о Клубах Любителей Фантастики, критика фантастики) или переводы статей по адресу:

Александрю Привалову и коту Василию

Советский Союз

Аркаим-13

ул. Лукоморье, д. 1965, кв. 50

Хотя, лучше пишите на Электронную почту: niichawo@internet.ru

Также мы хотели бы получить Ваши отзывы и предложения, что понравилось или не понравилось в нашем киберзине, мы постараемся все учесть и сделать следующие номера более интересными, качественными и познавательными.

P.S. Информация для желающих поддержать журнал донатом, дабы вдохновить его создателей на новые интересные публикации: номер карты Сбера 4279 3806 3289 1869 .

CANADA LITERATURE

AMERICANAH
A NOVEL
CHIMAMANDA
NGOZI ADICHIE

The World Is Flat
Thomas L. Friedman

Creativity